

Игорь БОЛГАРИН
Виктор СМИРНОВ



ХМЕЛЬ СВОБОДЫ



ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ
НЕСТОРА МАХНО



МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера исторических приключений

Игорь Болгарин

Хмель свободы

«ВЕЧЕ»

2006

Болгарин И. Я.

Хмель свободы / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ», 2006 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4484-7960-1

Нестор Махно – известный революционер-анархист, одна из ключевых фигур первых лет существования Советской России, руководитель крестьянской повстанческой армии на Украине, человек неординарный и противоречивый, который искренне хотел построить новый мир, «где солнце светит над всей анархической землей и счастье – для всех, а не для кучки богачей». Жизнь его редко бывала спокойной, он много раз подвергался нешуточной опасности, но не умер, и потому люди решили, что у него «девять жизней, як у кошки». Во второй книге трилогии основное внимание уделено периоду с начала 1918 года до весны 1919-го, когда Махно ведёт активные боевые действия против «германцев», стремящихся оккупировать Украину, а также против белогвардейцев.

ISBN 978-5-4484-7960-1

© Болгарин И. Я., 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Глава восьмая	42
Глава девятая	45
Глава десятая	51
Глава одиннадцатая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Игорь Яковлевич Болгарин,
Виктор Васильевич Смирнов
Хмель свободы. Девять
жизней Нестора Махно**

© Болгарин И.Я., Смирнов В.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава первая

А землю уже запорошило снегом. Нестор ехал в санных розвальнях, бок о бок с верным Лашкевичем, который во время хозяйствования стал незаменимым помощником. А рядом с санями и чуть позади скакали с полдюжины черногвардейцев – конвой, или, как звучно называли его запорожские козаки, почёт.

– Трудно! – пожаловался Лашкевичу Махно. – Ученые люди все про анархическое вольное общество знают, а в жизни его еще никто не построил. А от меня хотят, чтоб я был и судьей, и начальником. А зачем тогда, спрашивается, людям свобода, если им начальник нужен? Я сам иду как слепой, руки вперед вытянувши. Пощупаю-пощупаю, – он изобразил пальцами, как ощупывает некий предмет, – вроде что-то прояснится, а дальше опять темно и непонятно...

– У вас как з тым семинаристом, – улыбнулся Лашкевич. – Женывся он и приступае, значит, до своей жинкы. Щупае, щупае. Она рассердилась: «Шо ты там мацаеш, чи в мене шось не так?» А вин: «Не мешай, женщина! Теоретически я уже всё выучив, тепер совмещаю теорию с практикой. Це есть главный философский подход. Так шо ты пока, женщина, помовчи, поскольку ты цього курса еще не проходила!» Спихнула его баба з кровати и говоре: «Собаки чи там гуси курса не проходили, а знают, як до другого полу приступать. Возвертайся в Киев, ще трохи в той академии пидучись, а я себе подыщу неученого».

Хлопцы зареготали.

Их догнал всадник на взмыленном коне:

– Нестор Иванович! Вертайтесь в Гуляйполе!

– Шо там ще?

– Та приехали якие... чи большевыкы, чи хто их... Трохи на бандитов схожи!

– Ну и шо им надо?

– Кажуть, цю... свою власть будуть устанавлювать...

Дело нешуточное! Кавалькада разом развернулась, всадники пришпорили коней...

Десятка два-три человек собрались на площади у волостного правления. Перед ними, взобравшись на телегу, выступал смуглый коренастый человек в солдатской шинели – Павел Глыба.

Махно остановил сани близ сборища; тут же кучкой, не слезая с коней, гуртовались его черногвардейцы.

– Вы меня, земляки, добре знаете, представляться не надо! – Глыба могучим басом перекрывал все звуки площади. – Туточки я возрос, отсюда воевать пишов, а теперь вот приехал до вас от имени партии большевиков, котора на всю Рассею призвела переворот, смелá стару власть и дала трудящим людям равенство, свободу, а также заключила мир и приступила к переделу панской земли...

– От тоби на! Воны тилькы приступылы, а мы вже давно передилылы! – крикнул в ответ откуда-то из толпы Гнат Пасько.

Площадь ответила на это одобрительным и смешливым гулом. Но Глыба был не из тех, кто легко сдается.

– Это я знаю, товарищи! Но нет у вас верного руководства! Направляющей и созидающей силы! И потому я вам советую, во-первых, признать за руководство революционный комитет в составе трех товарищей... вон еще тех двоих – Саламаху и Гузенка. Рабочи товарищи, настоящи пролетарии. – Глыба указал на двух человек в брезентовых куртках, покуливающих чуть

поодадь. – А в ваш Совет кооптировать меня як большевика и коммуниста... для осуществления, так сказать, принципа диктатуры пролетарьята...

– «Копытировать» – це як? – полюбопытствовал еще кто-то из толпы. – Копытом пид зад чи шо?

Гуляйпольцы рассмеялись.

Глыба и сам посмеялся вместе со всеми, затем выдержал паузу, подождал, пока стихнет шум. Стреляный воробей.

– Пошутить я тоже люблю, товарищи. Но дело такое, шо не до шуток. Кругом враги. Нам надо всем вместе быть... под руководством пролетарьята. Кто вам ще оружие дать, патроны, керосин, ситчик, все такое?

– А хто пролетариату хлеба даст? – Приблизившийся к выступающему Махно до сих пор тоже «держал паузу». – Молочка, масличка, яечок...

Все собравшиеся обернулись.

– Нестор!

– Махно вернудся! – прокатилось по площади.

Гуляйпольцы поняли: ожидается словесная схватка. Ну-ка, кто кого? Ждали победы Нестора. Но Глыба внушал опасение: голос что иерихонская труба, в себе уверен.

– Нестор, а може, давай их погоним к едрене фене в Харьков чи в Катеринослав! – наклонясь с коня, прошептал Щусь. – Хай там устроюють свою диктатуру!

– Погоди! Дело серьезне, – ответил Махно.

– Товарищ Махно! – узнав Нестора, обратился к нему Глыба. – Уважаю вас як борца с царизмом, но як бывший узник, многое переживший, вы, конечно же, ще не до конца успели понять, шо такое пролетарьят. А это, як бы сказать, старший брат и руководитель крестьянства... организованный и умный! Пролетарий всегда пролетарий, а крестьянство есть и беднейшее, и средневое, и богатое, эксплуататорское... И крестьянин, не будем правды скрывать, стремится к богатству, порождая из себя буржуазию... А пролетарий – он гегемон...

– Погодь, погодь! – остановил оратора Махно. – Ты такие слова в народ, як бомбы, не кидай. Гегемон – это шо? Я так понимаю, это вроде як верховная власть. Так? Ты уж заодно всем нам и скажи, хто у пролетариата ходит в гегемонах? Ну, хто творит диктатуру? Хто командуе?

Головы поворачивались от Махно к Глыбе, от Глыбы – к Махно.

– Выдающиеся люди, пролетарски вожди...

– Ленин, Троцкий, Антонов-Овсеенко... – подсказал Нестор.

– Ну, не только! – простодушно ощерился Глыба. – И ще много других.

– Возьми, к примеру, Ленина. Из дворянской семьи, из панов. Троцкий опять же наш, херсонский – сын богатого землевладельца и арендатора. Антонов, который Овсеенко, – полковничий сынок и сам офицер. Тоже с Украины... Як же они в пролетариях оказались?

Глыба начал сердиться:

– Происхождение тут ни при чем, товарищ Махно! Маркс и Энгельс тоже не из рабочих. Но они духом пролетарским пропитались! Ясное дело!

– Шо это за дух такой? – продолжал «диспут» Махно. – К примеру, если в коровнике поработаешь – навозным духом пропитаешься. Это понятно. А если в степу на ветерку постоять – никакого особого духу... Есть ще святой дух. Так про него надо в церкви толковать!

– А ваши анархические вожди, они хто? – наступал Глыба. – Бакунина взять. Сын крупного помещика. Кропоткин – князь, богач...

– Так они ж себя в гегемоны не определяют! Диктатуру не строят! Они говорят: мы все равны! Власть не берут!.. А ваши большевики, они как говорят? Мы – власть! Слушайте нас!

– И правильно, – уже побагровел Глыба. – Потому як есть положение: пролетариат осуществляет руководство. А во главе – вожди. И это, безусловно, правильное положение!

– Безусловно правильное положение у тебя, товарищ, когда ты орлом в нужнике сидишь, – сказал Махно под хохот односельчан. – Крестьянское положение мы и сами хорошо понимаем, как есть сами от дедов-прадедов крестьяне. И потому, если хочешь быть с нами, то вникай в наши дела, поддерживай. И заместо диктатуры лучше давай нам мануфактуру...

– Издеваетесь, товарищ Махно! – закричал Глыба. – А там, в Петрограде, люди голодают! И вам это самовольство даром не пройдет!

– Только каторгой меня не пугай! – ответил Махно. – На пролетариат мы не в обиде... и в знак дружбы, хлопцы... – Нестор огляделся вокруг, – ...в знак дружбы соберем голодающему питерскому пролетариату два вагона пшеницы – от анархистов Гуляйполя!

– А шо ж, и отправим! – раздались голоса. – Поедем по хуторам...

– Я мешок насобираю!

– И я... два пуда!

– Хай и большевыки тоже шо-небудь наскребуть... По силе возможности...

– Так как, товарищ Глыба, повезешь гуляйпольскую пшеницу голодающему Петрограду? – спросил Махно.

Большевику деваться было некуда. Проиграл по всем статьям.

– Дело хорошее... – пробасил он. – Нияких возражений!

И через два дня они уже вместе таскали мешки с пшеницей в товарный вагон.

Махно, хоть по сравнению с большевиком и выглядел тщедушным, старался ни в чем от Глыбы не отставать. Двое мужиков вываливали с телеги на его спину тяжеленный зерновой лантух, и он, побряхтывая и слегка пошатываясь под его тяжестью, нес.

– Отдохнули б вы, Нестор Иванович! Есть же кому таскать... он яки бугаи здоровые, чего им!..

Но Махно не отвечал. Да и поговоришь ли под такой тяжестью?

Сноровисто и ловко он подтаскивал мешок к открытому зеву вагона, где руки гуляйпольцев подхватывали груз. И так, без остановки, ходка за ходкой. Лишь иногда он косил глазом на плавнодвигающегося с мешком на спине Глыбу. Прикидывал: как соперник, не выдохся ли?

Наступил наконец перекур. Глыба свернул огромную самокрутку.

– Двужильный ты, не пойму? – посмотрел он на Нестора. – И каторга тебя, похоже, не сумела срасходовать.

– А я вроде сыромятной кожи, – усмехнулся Махно. – Если ее долго бить, мять да мочить – только крепче становится.

Они стояли, прислонившись к рештовке пустых саней.

– Упрямый вы народ – анархисты, – сказал Глыба. – Ты погляди, шо вокруг тебя деется. С западу немцы нависли, с юга колонисты сбиваются в отряды. В центре эта самая Центральная рада войска налаживае. А под самым твоим носом калединское офицерье на Дон пробивается. Каледин в Ростове, похоже, поход на Москву задумав, свое войско созывает...

– Где тот Каледин! Где тот Дон! – отмахнулся Нестор.

– С Дона на Москву аккурат пряма дорога через наши с тобой края. Вчера на Кичкасском мосту сотни полторы офицеров видел. Лед на Днепре ще не став. От они тут, у тебя под боком, и переправляются. По Кичкасскому мосту, больше негде... Смотри, будет тебе анархическа республика, когда они с Дона сюда попрут. Жратвы там для всех обмаль. Долго не усидять. Сюда двинут, в богату Таврию...

Махно нахмурился:

– Днепр мы перекроем. Офицеров у себя не потеряем. И вас, большевиков, тоже.

– Ну, на слова ты горазд, не переплюнешь!

– В работе ты меня тоже не переплюнул, Глыба!

На следующий день ранним утром собрал Нестор свое пока еще невеликое войско.

– Федос, бери с собой полсотни хлопцев – и в обход на правый берег, до Кичкасского моста.

– Та ты шо, Нестор! Днипро ще не став, шуга плыве.

– Паняй до деда Хандуся, рыбаки помогут переправиться до Никольского. А там – бережочком. И шоб в полночь був коло самого моста.

– Понял, – кивнул Щусь.

– А я с нашего берега зайду, од Мокрой..

– Задача напугать, чи...

– Кто испугается – останется живой. Остальных – в роспыл. То ж офицерье.

– Так патронив же жменька, Нестор.

– Если б патронов было вдосталь, я б кого другого послал.

И ушел отряд по широкому заснеженному шляху...

К вечеру на каком-то развилке Щусь со своими черноговардейцами свернул влево. Скрылись в камышах кони. Исчезли хлопцы, поднимая в прощальном приветствии шашки. Некоторое время еще доносился шелест травы, но вскоре и он стих...

И уже только отряд Махно двигался по левому берегу к Кичкасской переправе. Тачанки, брички, сани, а больше – всадники. Вооружились так, словно у каждого по десять рук.

К черноговардейцам и селянам-ополченцам присоединились и солдаты бывшего Московского полка – пулеметчики Корнеев и Грузнов, здесь же был и Халабудов. В их повозке у ног покачивался «Максим», тряслась заправленная матерчатая лента, один конец которой висел на шее Грузнова как шарф. У этих «москалей»-добровольцев патронов было не то чтобы вдоволь, но для небольшого боя хватит.

Рядом с Нестором в санях сидел брат Савва, во фронтовой папахе с черной лентой – знаком анархистов, в солдатской шинели, с винтовкой на коленях.

– Ты, Савочка, съодни команду. Все ж войну прошел, може, сумееш с офицерьем потолковать.

– Який з мене командир, Нестор?

– Сумееш, Савочка! Сумееш. Та й я ж при тебе буду. В случай чого – подмогну. Постараться бы без крови обойтись. Если у них вооруженный отряд – не осилим.

Проезжали через Новокичкас. Время было рождественское, святочное. Закатившееся солнце еще подсвечивало небо, и купола церкви сияли малиновым цветом. У паперти собрались принарядившиеся сельчане. Праздничный перезвон наполнял воздух. Почти все махновцы, за исключением черноговардейцев, проезжая мимо церкви, крестились на купола. Украдкой крестился и едущий на низкорослой лошадке рядом с санями Нестора Иван Лепетченко.

Повсюду гомон, веселье, песни. Ходила гурьбой молодежь. Детвора пела колядки, щедривки, над головами держали бумажные звезды с горящими внутри сальными свечками. В руках – мешки для подарков.

«У нашего хозяина золоти горы, золоти горы та высоки дубы...» – доносился из перелука высокий девичий голос. И ему отвечал нестройный хор с другого конца села: «...Щедрый вечер, добрый вечер, добрым людям на здоровье...»

Савва вытер молодецкий ус, поглядел по сторонам:

– Богате село... Надо б тут заночувать!

– На перины потянуло? – нахмурился Нестор.

– Празднык же який! Рождество! А мы як ти нехрысти!

Нестор зыркнул на брата холодным колючим взглядом.

– Це я так, до примеру, – примирительно вздохнул Савва. – Вспомнив, як в Рождество батько наш Иван Матвеевич з мамкою в церкву на Всенощну ходылы. Ты ще малый був, не помныш. Чи тебе ще й не було. Н-да! А мы, пацанва, колядувать ходылы. Вирыш – ни, конфетами, ковбасой прямо объидалысь. Ще й додому приносиылы.

Нестор молчал.

Проезжающих «запорожцев» обступили гуляющие. Кто-то узнал в санях Махно.

– Нестор Иванович! З святом вас! Здоровычка доброго.

– До нас! До нас! Погуляймо трошкы!

Махно, хоть и был польщен вниманием, сделал строгое лицо.

– Лашкевич! – крикнул он, обернувшись к следующей за ним тачанке. – Кинь колядникам чого-небудь... Ковбаски, грошей...

Круги колбасы и медяки полетели в снег. Детвора со смехом стала подбирать дары, образовала кучу-малу. Весело отнимали друг у дружки колбасу, рвали на куски, вгрызались в нее зубами...

Постепенно вереница повозок, саней и всадников проехала село. От огоньков, от света рождественских звезд – в ночь.

– Эх! Кончается девятьсот семнадцатый, – мечтательно произнес Савва. – Добрый был год. Все сбилось, о чем думки булы. И вся семья вместе, и ты на свободе, и хлопцы дружни... Жизнь наступает – лучшее и быть не може. Ни панов, ни подати, ни рекрутства...

Ничего не ответил Нестор брату. Он уже слышал эти восторги. Как бы не сглазить!

На рассвете гуляйпольцы заняли позиции на холмах. На ближней к мосту высотке обосновался пулеметный расчет из нескольких человек.

Схваченный ледовыми рукавицами Днепр здесь, где кончались скалистые, гладко вылинные ветром и водой пороги, бешено клокотал. Черные струи то выныривали из-под белых перемычек, то снова уплывали куда-то в пугающую глубь.

Грохот воды перекрывал все звуки. Пар стоял над рекой.

Нестор с Саввой неторопливо дошли до середины моста, склонились над бушующей водой. Страшно было глядеть вниз. Деревянные перила и настил дрожали от напора.

Нестор перешел на правый берег, увидел неподалеку бугорок, заметил на нем какое-то легкое шевеление.

– Федос, ты на месте?

– С ночи сидим здесь, як ты велел! – отозвался Щусь.

– Посмотри, не видать там офицера?

– Вроде йдут! – донесся издали голос Щуся.

– Сколько?

– Чоловик двадцать, може, трошки больше... и дальше ще якие-то темнеют!

– Ну и затихни!

Нестор вернулся на левый берег, где его ждали Савва и еще несколько черногвардейцев. Перекрывая шум воды, крикнул:

– Идут!

Вскоре из-за бугорочка показалась первая группа офицеров. Это была уже не бравая армия России. Одежка поизносилась на фронте и за время переходов по охваченным большевизмом и крестьянскими восстаниями местам. Лица небриты. Здоровые помогали идти раненым, больным. Двое потерявших коней кавалеристов несли на спинах седла. За их спинами нелепо мотались кожаные путлища с поблескивающими железом стременами.

– Ты начинай з нымы переговоры, а я на всякий случай при пулемети побуду, – сказал Нестору Савва и поднялся на пригорок. Сверху, от «Максима», он стал наблюдать в бинокль.

Нестор неторопливо, прогулочным шагом, двинулся навстречу приближающимся офицерам. Остановился на середине моста. Сопровождавшие его хлопцы прошли дальше.

Офицеры заметили вооруженных людей, с тревогой в них всматривались. Но – куда денешься? – продолжали идти. Попадались на их долгом пути и враги, и доброжелатели. Не столкнешься – не определишь, кто они, чего ждать от них, добра или зла.

Гуляйпольцы молча посторонились, пропуская офицеров на мост. Сами пошли сзади.

Нестор с легкой усмешкой рассматривал бредущих по мосту офицеров, усталых, перевязанных грязными, со следами засохшей крови, бинтами.

– Куда, господа, путь держите? – наконец спросил он, преграждая им дорогу. Их тут же окружили черноговардейцы.

– На юг. В родные края, – ответил крепко сбитый, ладный поручик, туго охваченный амуницией.

– Кому «родные»? Вам? Чи генералу Каледину?

Черноговардейцы взяли оружие на изготовку. Поручик тоже сделал попытку снять с плеча карабин.

– Не норовите, ваше благородие, – усмехнулся Нестор, – мы тут тоже все с норовом. – И крикнул: – Федосий! Тут господа не верят, шо у тебя скверный характер. Скажи им пару слов, не больше!

– Поняв! – И с правобережья, совсем низко над мостом, пролетели две короткие пулеметные очереди. – Можно и ще! Только я ще пока не сильно осерчал! – донеслось издали.

Офицеры растерянно заозирались. Увидели направленный на них пулемет. И тот разглядели, что сзади, на бугорочке, в кустарнике притаился.

Поручик вновь набросил карабин на плечо:

– Вы не шибко на нас наступайте. Следом ще тыщ пять идуць. Восемь эшелонов в Никополе разгрузились. А Днепр не стал. Потому мы сюда. Вынужденно. Другого путя нету. В случай чего, будем с оружием прорываться.

– Ты нас, поручик, тоже не пужай, – сказал стоящий рядом с Нестором Сашко Лапетченко. – Мы пужани и стреляни. Так шо страх уже весь вышел. Одна лютя осталась. Будете прорываться, тем хуже для вас.

Поручик еще раз глянул на пригорок, откуда на мост смотрел темный зрачок пулемета.

– А может, договоримся, козачки? – спросил он. – Вы – запорожские, мы – донские, чего нам делить?.. Отступного дадим!

– Отступного?.. Это можно, – согласился Нестор. – Скидывайте оружие, седла. Это нам согодится. И сами раздевайтесь!

– Зачем?

– Як «зачем»? До Днепра зачем добирались? Не иначе шоб искупаться! От и скидывайте все с себя. Исподнее тоже. Оно вам больше не понадобится. На том свете другое дадут, чистое, не вшивое...

Поручик сбросил рваную шинель, папаху. Остался в гимнастерке с двумя «Георгиями», с красными нашивками на правом рукаве, свидетельствующими о ранениях. Губы его кривила презрительная улыбка.

– Нестор Иванович! Тут ще йдуць! – крикнул с правого берега Щусь.

– Сколько?

– Та штук десять.

– Гоните и их до гурту!

Конные черноговардейцы взяли в оцепление еще группу офицеров. На мосту их догнал Федос. С пригорка спустился Савва. Махно отошел в сторонку, к перилам, равнодушно глядел на бушующие черные струи. Он как бы сдал командование Савве. Впрочем, зная о мягкотелости Саввы, обязанности начальника без всякого приказа принял на себя энергичный Щусь.

– Чого голый стоиш? – оглядел он поручика.

– Не хоче купаться, – со смехом объяснил кто-то из гуляйпольцев.

– Расстреливайте, – сказал поручик, дрожа от холода. – Сделайте себе удовольствию. А топить себя, как котенка, не позволю!

– Скажите! Он, видите ли, не позволит! – возмутился Федос. – Це мы тут позволяем, ваше благородие!.. А ну возьмите его, хлопцы!..

Несколько дюжих сельчан схватили поручика, подняли, в то время как остальные держали под прицелом других офицеров. Поручик отчаянно сопротивлялся.

Внизу клокотала, втягиваясь в ледовую пещеру, черная вода.

– Стойте! – вдруг приказал Махно, и, несмотря на шум воды, его слышали. Опустили поручика на настил моста. Тот затравленно смотрел на приближающегося Нестора, мрачного, в крестьянской шапке и жупане, перехлестнутым двумя ремнями, на которых висели две кобуры.

– От шо, ваши благородия! – обратился Махно к офицерам. – Не додому вы шли, а до заклятого врага революции атамана Каледина. В связи с чем не можем мы допустить, щоб вы этим вот оружием с нами потом воевали. Потому предлагаю: сдавайте оружие, срывайте погоны, кидайте тут все свои цацки – и йдите на все четыре стороны. Седла, хто несет, тоже оставьте. А одежонку, обувку вам дарим. В связи с Рождеством.

– Нестор, та ты шо! – выкрикнул уже осатаневший от близости смертной забавы Щусь.

– Смолкни! – оборвал его Махно.

Поручик повернулся к сотоварищам. В их глазах читались растеренность и даже некоторая радость по поводу того, что маленький человек в жупане предложил им единственно возможный выход.

Поручик усмехнулся.

– Ордена, погоны и оружие – это моя честь, – хрипло сказал он. – А честь дороже жизни! Вам этого, верно, не понять? – Он коснулся ладонью серебристых крестов, висящих на старенькой гимнастерке. – Кресты мне даны за то, шо смерти не боявсь. Так почему я их должен срывать?!

Он выдержал тяжелый взгляд Махно. Он решился. Чувствовалось, что теперь он мог выдержать любой взгляд.

– Красиво говорите, – не без уважения сказал Махно и вздохнул: – Шо ж... ни вам теперь от слова не отступить, ни мне!

Он махнул рукой, и по его знаку черноговардейцы тотчас сбросили поручика с моста в клокочущие буруны...

– Кому ще честь дороже жизни – не заставляйте моих хлопцев... – И Махно снова отошел в сторону, передоверив командование Савве и Щусю. Он явно не хотел быть участником жестокой расправы. Знал: в истории этой войны такое запомнят... Запишут.

Савва перевел взгляд на остальных офицеров. Многие стали снимать с себя шапки и другое оружие, бросали его в кучу, торопливо срывали погоны, знаки отличия, кресты. Но несколько человек столпились возле бравого унтера, который, сняв шинель, пребывал во всем блеске своего «иконостаса» из четырех Георгиевских крестов.

– Ну, вы йдите! – отпустил Савва тех, кто проявил покорность. – До вас претензий нема. Мо, потом будуть, когда встренемсь в бою.

Те, кого пощадили, стараясь не показать, что торопятся, трусцой побежали прочь. Сутулились, ожидая выстрела в спину.

– Ну а вы сами выбрали свою дорогу! – Стволом маузера Федос показал вниз, в темную воду.

Тесной кучкой обреченные ступили к перилам. Перед тем как прыгнуть, унтер перекрестился. И все последовали его примеру.

К вечеру наступил перерыв в их изнурительной «работе». Черноговардейцы отогревались у костра, жарили на прутьях лозы куски сала и колбасы. Пошла по кругу и бутылка, веселя и помогая забыться.

– А все ж таки, Нестор, понапрасну мы почти половину отпустили, – жуя, сказал Федос. – Оружие нове найдуть. И правильно говорил Савва: мы с ими ще встренемся в каком-то кровавом бою.

– А мени кажется, по уму поступили, – возразил Лашкевич. – Те, кого отпустили, то так... пустота... нетолочь. А от те, шо потоплы, булы настоящие воякы... те и взаправду булы опасни...

– Эх ты, «булгахтер», – вступил в разговор Сашко Лепетченко. – Це только на твоих счетах костяшки белые та черные. А в жизни попробуй разберись... И заяц бувае смелым...

– Если человек смелый, он в любе время смелый, завзятый.

– Завзятых и потопили. Он сколько их утопло за день.

– Всех надо було! – гнул свою линию Федос.

Нестор молчал. Молчал и сидящий чуть в стороне Иван Лепетченко. Не ел, как все, задумчиво смотрел на огонь.

– Хлопци! – крикнул кто-то из махновцев с левобережной высоты. – Ще двоих ведут! Тоже, похоже, охвицерив!..

Двое офицеров, с карабинами за плечами, вскоре встали перед костром, окруженные охранниками из свиты Махно. Один – высокий, красивый, с тонкими и властными чертами лица. Капитан. Второй – должно быть, его подчиненный – молоденький прапорщик, интеллигентный, из «вольноперов».

Махно всмотрелся в капитана.

– А-а, пан Данилевский, – наконец произнес он. – Пан Владислав... Молодой хозяин. Меня не признаёте?

– Нет.

– Махно... Помните пастушка, шо за вашим конем не углядел? Ще ваш папа приказал батогом меня выпороть, а вы заступились. И сестра ваша.

– А... да-да... – наморщил лоб Данилевский. – Как же... припоминаю...

Он покачал головой, как бы осозная ту бездну времени, которая разделяла «сейчас» и «когда-то». Но страха в его глазах не было.

– Как вы меня узнали? – спросил капитан. – С тех пор много времени прошло. Я ведь изменился.

– Портретик ваш недавно видел. В имении.

И тут Данилевский забеспокоился:

– Вы там были? Что с отцом? С сестрой? Они живы?

– Живы, живы, – ответил Махно. – Отпустили их... с конюхом и с каретой... С вашим портретиком. А в имении зараз коммуна. Анархическа.

– Мне наплевать на имение, на коммуны, на анархию, – ответил капитан. – Живы – хорошо. Если, конечно, не врте.

Хлопцы возмутились. Щусь опустил руку на рукоять сабли. Даже юный прапорщик опасно покосился на своего высокомерного командира.

Но Нестор был спокоен.

– Шо ж, уважаю за смелый разговор, – сказал он. – А врать не умею. С малку не научился... Ну, хоть мы и старые знакомые, а придется вам соблюдать наш закон. Скидывайте оружие, срывайте ваши цацкы, награды... погоны-шевроны... и идите, куда шли.

– Как же вы можете кадрового офицера просить об этом? – усмехнулся Данилевский. – Это невозможно.

– Та тебя ж не просят! – не выдержал Федос. – Тебе приказывают, пан... если жить хочешь! А нет – так он, в воду. Со всей своей офицерской спесью!

– Это не спесь. Это честь, – ответил Данилевский.

– Надоели вы с вашей «честью». Только й разговору!.. Топите их, хлопцы, поскорее, – скомандовал Щусь, – а то вечера совсем остыне!

И в самом деле, от костра доносился запах горячей картошки, изнывающего на огне сала, чесночной домашней колбасы.

Офицеры тоже были голодны и, несмотря на свое отчаянное положение, сглатывали слюну.

Махновцы уже обступили их со всех сторон, готовые учинить расправу.

– Стойте! – властно крикнул Данилевский, и они остановились. – Михаил Петрович! – обратился капитан к прапорщику. – На вас мое решение не распространяется. Вы только что из студентов, толком не служили... своим командирским распоряжением разрешаю вам... – Он несколькими ловкими движениями сорвал с прапорщика погоны, кобуру с револьвером, пашку, бросил все это добро на настил. – Ну, а наград у вас пока нету... Бегите, а то замерзнете.

– Живи, прапор! – сказал Махно, плетью указывая прапорщику, в какую сторону бежать.

Прапорщик нерешительно пошел по мосту. По обе стороны его пути грохотала и пузырилась вода. В сумерках и без того страшный Днепр казался еще страшнее и рев воды оглушительнее.

Вчерашний студент шел, беспомощно оглядываясь. Ему хотелось поскорее оказаться как можно дальше от этого ужасного места, но и бежать, выказать страх при командире он не мог.

Быстро темнело.

Черногвардейцы подступили к капитану.

– Я сам!

– Как хочешь, – согласился Щусь.

Под дулами винтовок и пистолетов Данилевский быстро стянул с себя карабин, бросил в воду. Следом полетела амуниция с кобурой и пашкой, а затем и шинель. И сапоги исчезли в темной воде, и галифе с белой окантовкой. Он остался в гимнастерке с крестами и нашивками и в шерстяном, теплом исподнем.

Перекрестившись, надеясь на Бога, на удачу и на свой опыт «соколиста» и спортсмена, капитан прыгнул с перил моста. Прыгнул ловко, косою линией, вниз головой. И исчез под водой. Не всплыл, не взмахнул рукой. Бешеные буруны сразу поглотили его, утащили в черную глубину.

– Нестор! – юродствуя, закричал Федос. – Горе! Як жыть? У нашого имения больше нема наследника!

Махно не ответил. Он мрачно смотрел, как ссутулившийся Иван Лепетченко часто крестился и шептал слова молитвы.

– Ты шо, Иван, заупокойную читаешь?

Младший Лепетченко продолжал креститься, наклонив голову и глядя себе под ноги.

Опустел мост. К костру подсади свободные от дежурства черногвардейцы: Щусь, Сашко Лепетченко, Калашник, Каретников, Савва...

– Хоть ночью вони, може, не пойдуть, – сказал Сашко. – Заморывся за день...

Иван подошел к брату, протянул ему свою винтовку:

– Возьми.

– А ты куда?

Иван молча пошел прочь от костра.

– Иван! – крикнул Сашко. – Куда ты?

Младший брат обернулся:

– Погано, Сашко... Батьку свого мы сами убили, попа убили, багато народу поубивали, потопили. Не буде нам счастья, хлопци. Грех великий!

– Ну и куды ж ты?

– До Бога.

И он продолжал медленно идти вверх по белому снежному косоугору, оставляя четкие следы.

– Иван, мы клятву на крови давали! – закричал ему вслед Сашко. – Помнишь, Иван? Там, в кузни! Не можешь ты нас оставить!

Но Иван уходил все дальше и дальше.

Сашко схватил винтовку, передернул затвор. Поблескивающий медью патрон скользнул в казенник.

– Стой, Иван!.. Стой, кажу!.. – в отчаянии закричал Сашко. – Не изменяй нашему братству!

Он начал целиться в фигурку, темным пятном выделяющуюся на склоне.

Но Махно отвел рукой ствол «винтаря»:

– Не надо, Сашко. Единый твой брат. Другого не будет.

Уходил Иван...

Поздним вечером, укладываясь у костра на козушок, Щусь прошептал Сашку Лепетченко:

– Нет, не тот стал Нестор! Раньше был как стальной штык. А теперь! Сколько офицера отпустил! Жалостливый стал!.. Это она все, она! Погубит она Нестора... Бабы, они все такие: из стали тесто могут замесить...

Сашко, уткнувшись в овечью шерсть, беззвучно плакал. Он чувствовал, что брат ушел от них навсегда.

Глава вторая

Владислав Данилевский вынырнул из ледяного коридора. Днепровская струя заталкивала его в новую западную, но, оказавшись на чистой воде, последними усилиями, отчаянно загребая мощными руками, капитан пристал к береговой закраине. Ломая лед и кровавя руки, выбрался на заснеженный берег. перевел дыхание. От него шел пар.

Он заставил себя бежать. В сторону от реки, в сгущающуюся темноту. Голые ступни упрямо топтали снег. Капитан хотел жить и знал, что ему нельзя останавливаться.

Вдали светились огоньки большого села, доносились песни, музыка, огненные пороховые шутихи время от времени взлетали над хатами, на миг освещая соломенные крыши, тополя, далекие фигурки людей. Кто-то палил в небо из винтовки. Рождество!

Данилевский бежал к хате, стоявшей на отшибе, в стороне от села. Хата была неказистая, но в окошке теплился огонек.

Капитан упал на пороге, попытался постучать в дверь, но руки уже не слушались его, только слабо скребли по деревянному косяку.

И все-таки его услышали. Дверь открылась, и в щель осторожно выглянула баба в толстом платке, накинута на голову и плечи...

Свет от сальной плашки в хате был слабый. Затащив капитана в дом, хозяйка скинула платок и оказалась совсем молодой еще женщиной: черноволосой, пышногрудой, в одной рубахе, охваченной пониже шеи тесемкой со сборками.

Нимало не стесняясь, она втащила капитана на полати, раздела догола и принялась, поливая себе из пузырьков на ладони темную жидкость, растирать крепкое, но обмякшее тело офицера. Поворачивала его из стороны в сторону. Руки Данилевского безвольно, со стуком падали на застланные рядом доски. Перекатывался на шее крестик на дорогой цепочке.

При этом хозяйка странной хаты без конца нашептывала что-то, из чего можно было разобрать лишь отдельные слова:

– ...ты пройди, огонь, по билу тилу, по темным жылам, не будь огонь пожаром, а будь жаром... Спаси, Христос, помылуй, Мыкола-угодник. Розгоны кровь, не дай застыть... Божья Маты-печальница, як твий сын не замерз у овечих яслях, так и ты не дай душу на замерзанья...

Сильная и крепкая, она втащила капитана на печь, накрыла старым кожухом. Влила в горло жидкость из другого пузырька. Сама стала на колени перед красным кутом, где горела лампадка. Зашептала, запела слова, не похожие на обычный рождественский тропарь. Здесь было много слов и фраз, принадлежащих только ей:

– ...Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам... учухся Тебе кланяться солнце правды... и народився Ты нагий и слабый, як дитя, але силою духа Своей сильней царей и владык... от же дай сьому человеку, нагому и слабому, як и Ты был, трошки силы... бо й його матир родила, и його хтось любить та й жеде...

Темны и загадочны были лики на старых иконах, едва тлел огонек в лампадке...

...Утром Владислав увидел хозяйку убогой хаты все там же, в красном куту, коленопреклоненной перед иконами. То ли молилась всю ночь, то ли встала спозаранку. Красивая была, молодая.

– ...Спасыби тобі, Владыко человеколюбче и Матери Твоий беспорочний, учуялы вы мий слабый голос...

Данилевский смотрел на женщину. Перекрестился при ее словах.

А она, встав с колен, бросила ему нехитрую крестьянскую одежду:

– Слазьте з печи, пан офицер. Будем снідати. Самовар готовый.

– А почему ты решила, что я офицер? – хрипло спросил Данилевский.

Хозяйка усмехнулась:

– Так у вас же хресты и всяке таке на рубахе.

– Углядела, – хмыкнул Владислав.

– Та й тело не селянське, панське тело! И исподне офицерське... Подсохне – одинете.

Только теперь Данилевский сообразил, что лежит под полушубком голый. Он всматривался в свою спасительницу.

– Кто ты? Как тебя зовут? – спросил он. – За кого молиться?

– Марией зовут. Обыкновенне имя.

– Имя-то, может... Сама ты необыкновенная... А почему на отшибе живешь? Все Рождество празднуют, а ты одна?

– А хто ж мене пустыть праздновать? Я – ведьма. Побьють мене.

– Ведьма?

– Обыкновенна ведьма. – Она залиvisto расхохоталась. – У коров молоко сдаиваю, у чоловікив мужску сылу отбираю, урожай порчу, на метле на Лысу гору летаю... з чортамы знаюсь... Не боишься? – Она вдруг перешла на «ты».

– Я? – спросил Данилевский. – Подойди сюда.

Она подошла. Он притянул ее и крепко поцеловал в губы.

Отстранившись, она перевела дыхание. Посмотрела пристально.

– Ой, пан... на свою биду я двери тебе открыла. Багато будешь по белу свету ездить, море крови людской прольеш, и твоей прольють вдосталь... А все ж я тебе присушу! И будет наша любовь несчастна. И для мене тоже... – И, помолчав, с сомнением добавила: – А может, не така й несчастна...

– Ну, подойди еще раз! – попросил Данилевский.

Она колебалась. Бормотала что-то, полуприкрыв глаза.

– А-а, все равно! Не буде никому счастья! – решительно сказала она. – Йде на людей лють велька, самосничтожение. Довгии годы будут люди враждовать!..

Он, свесившись с печи, привлек ее к себе. И она обхватила его...

– Ой, видно, я сильно багато тебе своего отвару дала, – прошептала она, заползая под кожушок. – А може, меня хто саму обпоив!.. Чи це судьба?

Глава третья

Придерживая длинную, не по росту, шашку, Нестор взбежал на второй этаж бывшего имения Данилевских, ныне коммуны. Ворвался в комнату. Настя полудремала на постели, книжка, которую она пыталась читать («Вадим» Лермонтова), лежала рядом.

– Ну як? – спросил Махно.

– Скоро... – мгновенно проснувшись, с улыбкой ответила Настя. – То заболыть, а то отпусте.

– Бабка вже тут, – доложил вошедший вслед за Нестором Степан. – Внизу, в коморци отдыхае...

– Яка бабка? – обозлился Махно. – Давай сюда лекаря с Александровска. И мигом!

– Кони втомлени...

– Бери любых!..

– А в случае, ликарь не схоче?

– Шо значить «не схоче»?

Каретников, который стоял под дверью, всунул в комнату голову, внушительно посоветовал:

– Скажеш лекарю, шо Нестор Ивановыч дуже ласково просыть.

– Добре, – усмехнулся Степан и опрометью кинулся в конюшню запрягать лошадей.

В зале заседали черногвардейцы. Перед Нестором, Лашкевичем, Григорием Махно высилась куча бумаг. Время от времени в зал доносился Настин крик. Нестор вскакивал, начинал расхаживать по паркету под строгими взглядами отцов анархии из золоченых рам.

– Ну, нечего! Нечего к бабьим крикам прислухаться! – повторял он соратникам (а на самом деле себе). Снова садился.

– Така плутанына! – сказал Лашкевич, показывая Нестору то на одну, то на другую бумагу. – От почитай!

– Сам читай! – Нестор был не в силах сосредоточиться. – На то у тебя очки на носу!

– От Центральной рады третий Универсал, – заглядывая в бумагу, стал пересказывать Лашкевич. – З Киева. За ноябрь... Признають Украину в состави России... Од Центральной рады четвертый Универсал... за январь цього восемнадцатого года... Объявляють повну независимость од России... А це – из Харькова. Ультиматум од Первого Всеукраинського съезда Советов... объявляє Центральну раду вне закона... Ну, дети, ей-бо!

Раздался резкий крик Насти. Нестор вскочил, заметался вдоль портретов. В его глазах читалась полная растерянность.

– Та читай! Читай, шо там ще!

– Центральна рада начинае переговоры з немецким кайзером про помощь проты большевиков... Донецко-Криворожска Совецка Республика объявляє незалежність от всех. Тепер буде независима Республика ДэКаСээр.

Снова раздался крик. Нестор заткнул уши.

– Ты читай, читай! Там бабские дела, а тут наши!

– Одесска Совецка Республика тоже объявляє независимость и требуе од нас дви тысячи новобранцев... и грошей...

– Дулю с маком, – ответил Нестор. – Кто там ще шо требуе?

– Повстанческе правительство Таганрогу просыть грошей...

– Сколько?

– Не пышуть. И печатка непонятна...

Немного подумав, Нестор объявил:

– В общем, хлопцы, надо нам свою армию строить, такую, какой еще не было. Анархически. Непобедимо. А то соседи нас завоюют. Новобранцев наших им давай... Нашли дурней!

Хлопцы тоже возмущенно загалдели.

– Нестор, ну а в случае, если германцы до нас и вправду пидуть? – спросил Григорий. – У них сила!

– Проты бугая не сыльно пидеш, – согласился и Лашкевич.

– А волк как против бугая идет?.. На рога не лезет. Подкрадывается с-под низу и выпускает кишки... Найдем и на германца управу!.. – бросил Нестор, не переставая нервно расхаживать по залу.

Бабка в белом окровавленном переднике приоткрыла дверь:

– Нестор Иванович! Пан ликарь зове...

Махно побежал по коридору.

Настя со счастливым лицом лежала в кровати, а доктор держал на руках смуглого, липкого, в слизи и крови младенца, который вначале пищал, а потом принялся орать на все имение.

– Поздравляю, гражданин Махно! Хлопчик! Здоровый!..

Повитуха тут же вытолкнула Нестора за дверь:

– Через час, Нестор Иванович! Поглядили – и хватить.

А в зале – когда только успели! – среди бумаг уже стояла четверть самогона и лежали аккуратно нарезанные колбаса, сало, хлеб, лучок.

– Поздоровляем, Нестор!.. З сынком!.. Хай буде здоров!..

Выпили, закусили. Отметили как бы между делом.

– Шо, може, мобилизацию объявим, Нестор? – спросил Лашкевич.

– Яку еще мобилизацию! Этим узурпаторы занимались... царизм! Власть! А мы безвластники!..

– А як же тогда воевать?

– Армия, хлопцы, будет добровольна. Партизанская. Такая, шо ее не видно и не слышно. Свистнул раз – собрались, свистнул два – разошлись. На конях. Укусили – отскочили. Другой раз укусили – кишки выпустили.

– Це дело, – кивнул Григорий.

На лице Насти светилась счастливая улыбка. Возле нее лежал вымытый, спеленатый, накормленный младенец.

Нестор взял ребенка на руки. Стал разглядывать:

– А шо он такой сморщенный? И личико красное!

– У них у всех личики красные. Только ж из материнского чрева! Легко ли ему? – впервые улыбнувшись, сказал доктор.

– Это точно. Сидел, як в одиночке, а тут на тебе – воля!

– Там ему было тепло, уютно, безопасно, – возразил доктор. – А сейчас он впервые увидел этот жестокий мир.

– Ничего! – покачивал младенца Нестор. – Мы для него этот мир переделаем. Он настоящее счастье увидит. Иначе для чего ж мы мучаемся?..

– О-хо-хо, – только и смог сказать доктор.

– Эй, Вадим! – обратился к сыну Махно. – Вадим!

Он наслаждался звучанием этого имени, которое хотел бы носить сам. Но младенец вряд ли осознавал величие предназначенного ему призвания. Он жалобно кривил ротик. Плакал...

– Давай сюды! – попросила Настя. Она открыла грудь, сунула в чмокающий ротик сосок. Вадим стал жадно сосать...

Настя – кто только и когда научил – положила младенца животиком на свою крепкую ладонь, слегка похлопала по спинке, чтобы отрыгнул воздух.

Нестор глядел на молодую жену с одобрением и даже восхищением. Хорошая жинка ему досталась. Все так ловко делает. Настоящая мать!

– Смотри, смотри, як сосет, – умилился он. – Сильный!.. Корми его лучше, шоб здоровый вырос! Меня вон мамка не докормила – голодуха в те годы была. Выкормишь – защитник тебе будет! В обиду не даст!

Настя продолжала улыбаться.

В селе Богодуховка Нестор, собрав земляков, втолковывал им:

– Браты мои дорогие! Землю мы вам дали... коров, коней тоже. А возвернутся паны... чи, може, германцы захотят землю отобрать? Как тогда?

– Не дамо!

– Хочь зубамы глотку...

– Зачем же зубами? – возразил Махно. – Винтовки многие с фронта принесли... а у кого нет... – Он дал знак хлопцам. Каретников, Левадный, Григорий скинули с саней грязную холстину. Под нею в розвальнях было сложено оружие, отобраное у офицеров на мосту. – ... Берите! И пусть тот, хто умеет, учит того, хто ще никогда не стрелял! Вырастет у нас, хлопци, армия, як пшеничные колоски с земли! Вольная, як ветер!

– Мы за тобой, Нестор Иванович, як нитка за голкой! – отозвались селяне, разбирая оружие. – Не сумлевайся!

– И вы, дядьки, хто уже в годах! Вы тоже нам в помощь! Выпасайте коней добрых... держите одну-другую тачанку чи бричку. На подменку. Шоб не армия была, а птица. Шоб на ероплане не догнать.

Дядьки смеялись.

Нестор, доев тарелку борща, откинулся на спинку кресла, взглянул на Вадима:

– Спит?

– Ага.

Нестор подошел к зыбке, покачал ее.

– Нестор Иванович! – начала было Настя и примолкла. С губ её внезапно исчезла улыбка.

– Ну шо? Шо?

– Дайте завтра коней. В Федоровку поиду. В церкву. Вадима похрещу.

Махно едва не подпрыгнул:

– Т-ты... соображаешь? Хрестыть! Мы ж анархисты! Шо мне мои побратимы скажут? Какой слух по уезду пойдет?

– Так через то я – в Федоровку. Шоб далеко. Нихто й не визнае.

– Дура-баба! Меня тут за сто верст вокруг знают. И вообще... Сколько раз я тебе втолковывал? Религия – обман. Той дядька на портрете знаешь шо сказал? «Церковь зовет к смирению, мы – к борьбе. Пусть церковь призовет к борьбе, и я смирюсь перед ней». Поняла?

– Ни. Я цього не понимаю, Нестор Иванович. А тилькы Бог над всым. И над анархистамы. А церква така, як и мы сами, люды. Церква не вынувата, шо и попы грешни бувають.

– Дура! Такое было девчатко! А стала... И когда только ты в Бога начала вирить?

– А як вас ждала. Мольлась, шоб вы булы живи-здорови... Бог и почув!

– То не бог, а Революция почула... Если бог ваш такой защитник, почему он меня не защищав, когда я в люльке голодав? «Плодитесь и размножайтесь»! От мамка и наплодила. А чем кормить, бог не дал. Потому я недоростком в шесть год панских гусей пошел пасть. Чего ж бог не явился до пана и не сказал: отдай часть своей земли бедным и голодным? А теперь я, анархист Махно, ту землю забрал и раздал всем, хто нуждается... И пускай меня на том свете черти в смоле варят, зато на этом люди спасибо скажут! – гневно кричал Махно.

– Го-осподи, прости его! Го-осподи... – крестясь, шептала Настя.

– И шоб я никогда больше... ни-ког-да, чуешь?.. про это самое крещение не слышал! Раз и навсегда!

А через несколько дней батюшка федоровской церкви Михаила-Архангела отец Онисифор окунул плачущего Вадима в купель.

– Аще кто не родится водою и духом, не может внийти в царство Божие!.. Крещается раб Божий Вадим во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святаго Духа, аминь...

Крестные – пожилые, умудренные опытом, селяне. Где и как успела найти их Настя и уговорить, никто и никогда так и не узнал. Земляки? Родственники? Или просто добрые, сердечные люди?

Вот уже крестик и белая пелена на Вадиме, и батюшка начал таинство миропомазания, делая знак креста на теле младенца. Поглядывая в сторону селян и ощущая себя миссионером в этом внезапно изменившемся и заразившемся безбожием обществе, старенький батюшка тихим голосом пояснил:

– Чело – для освящения ума... глаза, уста, носик, ушки – для освящения чувств, грудь – для освящения сердца, руки и ноги – для освящения всех деланий и хождения по миру... А все вместе – че-ло-век!..

Настя с глазами, мокрыми от слез, молилась, глядя на скорбный лик Богоматери. Молилась беззвучно, едва шевеля губами. И казалось ей, будто и глаза Приснодевы наполнялись ответными слезами сострадания и любви.

Глава четвертая

Как и много лет назад, когда Нестор подростком искал заработка и приюта, он вновь оказался в еврейской колонии Ново-Ковно. Она не изменилась. Все те же землянки, хибары, шинки, лавчонки...

Перед Нестором, Григорием, Каретниковым, Лашкевичем близ тачанки собрались пейсатые старики в кипах.

– Шо вы, граждане евреи, як угнетенная царизмом нация можете дать анархической революции?.. – спросил Нестор и после недолгого молчания пояснил: – Можно деньгами.

– Как евреи, так сразу деньгами, – покачал головой рослый сутулый старик.

Присмотревшись, Махно узнал того самого колониста, что однажды посоветовал ему идти сапожничать в Новосербию.

– А я тебя помню, – сказал Махно.

– Ты у меня работы искал, – спокойно ответил старик. – Я тогда еще подумал: какой бойкий хлопчик. Он еще выиграет, как вино. Теперь вы, конечно, анархист?.. У нас тоже много анархистов. Все хотят свободы. И никто не хочет копать землю. Но скажите, откуда тогда возьмется свобода?

В голосе старика звучала ирония.

– Ладно, – оборвал его Махно. – Может, все-таки поможете деньгами? Собирайте кагал, решайте... враги подступают.

– Зачем кагал? – возразил старик. – Сейчас другие времена.

Он вставил два пальца в рот и громко свистнул. Совсем как голубятник.

И тотчас из землянок и саманных хаток стали выскакивать молодые люди, одетые кто во что горазд. Но почти у каждого в руке было охотничье ружье или берданка. У многих – гранаты.

Кое на ком – шинели, папахи, ремни с подсумками. Один из таких молодцов нес на плече не что-нибудь, а ручной пулемет «Льюис» с рубчатым диском и самоварным кожухом.

Войско как войско. С определенной сноровкой выстроились по ранжиру.

– Наш отряд самообороны, – объяснил «голубятник».

Нестор прошелся вдоль шеренги.

– А кто командир?

– Так мы и есть командиры, – объяснил за всех стариков все тот же давний махновский знакомец – Лейба Шимонский.

– Как? Все сразу?

– Все сразу, – вразнобой ответили ему. – Кагальное, если позволите, управление. И равнины, и меламены, и цадики...

– А почему не он командир? – Махно указал на бравого парня с «Льюисом».

– Так то ж мой сын, – сказал Лейба. – Как же это можно, чтоб сын командовал отцом?..

И остальные – это ж всё наши дети.

– Служил? – спросил Махно у пулеметчика.

Льюисист вытянулся по струнке, но молчал. Ответил за него старый Лейба:

– Якоб служил в Новотроицко-Екатеринославском драгунском полку, два ранения, имеет медаль...

– Вот его бы командиром! – категорично заявил Махно.

– Выбрать можно. А только подчиняться все равно они будут нам, старикам.

Махно задумался.

– Шут с вами! – сказал он. – Будут бои, появятся и командиры... Зачисляю ваш отряд в добровольную анархическую армию Гуляйполя. Оборонять будете не только свою колонию.

Потому шо если враги займут соседнее украинское село, то всем вам тоже придется худо...
Согласны? Вот ты, Якоб?

Якоб молчал. Он знал порядок: нельзя говорить, пока не выскажется отец.

– Он уже давно согласен, – ответил за сына Лейба. – Мы не против. Мы за свободу. Какой еврей будет против свободы? Так было во времена Кромвеля, так было и в час Французской революции. Я – темный старик, но я кое-что читаю.

Умчалась тачанка из Ново-Ковно. Длинный шлейф пыли тянулся следом за ней. Лашкевич был углублен в свой «гроссбух».

– Ну, шо у тебя получается, «булгахтер»? – спросил Махно.

– Две тысячи штыков, триста сабель. Це по волости. Но патронов почти нет. Оружие с фронту понанесли, а патронов – по обойме.

– Не навоюеш, – качнул головой Махно. – Надо до большевиков идти. Тульские заводы у них. И царские арсеналы. А людей у нас в достатке!

– А на шо жидов взяли в нашу анархическу армию? – спросил Каретников. – Для этой... для булгахтерии?

– Ты про жидов – оставь! – рассердился Нестор. – Революция это слово отменила! Есть только евреи. Я среди них таких боевых встречал, шо только держись!

– Бувае, – согласился Каретников. – Я в газете тоже видал георгиевского кавалера из жидов...

– Ну от. Совсем другой разговор!

Вечером во флигеле, в небольшой каморке, собрался тайный совет: самые стойкие черноморские гвардейцы. Примкнули к «заговору» и «булгахтер», и Каретников, и многие другие анархисты.

– Поганое дело, хлопцы, – сказал Тимош, глядя на соратников сквозь окуляры. – Вслед за Центральной радой и большевыки заключили мир з германцамы. – Он положил перед собой газету. – Ось! Отдают кайзеру всю Прибалтию, половину Белоруси, каспийськи земли, ще и шесть миллиардов марок. Откупаются чи шо?

– А Украина? – спросил Каретников.

– А шо Украина? От Малороссии та половины Новороссии Москва отказалась. А не то Германия всю Россию приборкала б... Украинська Центральна рада, шоб оборониться от большевыкив, пригласыла нимцив до себе. Вони вже в Києви, скоро тут будуть...

– Хлопцы! – взволнованно сказал Лепетченко. – Нестор нужен! А он сутками – то з Настею, то з дытынкою. Про дела забывает. А случись шо... Ну, придут немые на Украину – и шо тогда? Пропадем без Нестора. Разлетится без него вся наша анархия, як полова по витру.

Щусь скривил губы:

– Ну шо мы всё воду в ступе толчем? Ясная речь: пока Нестор при Насте, а не при нас.

– Надо б якомсь с ним поговорить, – предложил Тимош. – Втолковать ему, шо Настя – не нашего огорода овощ. Кажуть, она дытя охрестыла в Федоровци. Тайно од Нестора. Не соблюдае його авторитет. Надо разьяснить ему все про Настю. И посоветовать отправить Настю з хлопчиком до матери. Пока.

– Ха! – выдохнул Лепетченко. – Тогда и Нестор у Настиной матери буде пропадать. Молода жинка! У Нестора ще горячка на баб не пройшла.

– И все-таки поговорить надо!

– Поговори! Схлопочеш сапожной колодкой по голове! – бросил Щусь, скалясь в бесильной злости.

Помолчали. На стене ходики: стук-стук. Лашкевич встал, подтянул гирьку в виде шишки, опустившуюся почти до земли.

– Вопрос надо решать... того... кординально! – продолжил Щусь.

– Це як? – спросил Каретник.

- А от так! – Щусь стукнул ладонью по столу: как топором по плахе.
- Голосуем! – подвел итог Лашкевич.
- Руки, одна за другой, поднялись кверху. Не сразу. Но все.
- Когда? – спросил Калашников.
- Завтра утром Нестор отправится на станцию до большевиков. За патронами... Ты будешь со мною. – Федос ткнул пальцем в Сашка Лепетченка. – И ты, – это уже в Калашникова.
- Лица назначенных помрачнели. Остальные вздохнули с облегчением.
- И – все! – твердо повторил Щусь. – И – могила!

Утром на станции Гуляйполе было оживленно. Сновали разномастно одетые красногвардейцы. У кого на фуражке звездочка, у кого – алая повязка.

Главный гость в Гуляйполе – бронепоезд. Железное чудище, какого Махно еще не видел. Блиндированные вагоны, обшитый стальными листами паровоз, клубы пара, вырывающиеся откуда-то из прикрывающих колеса щитов...

Нестор стоял рядом с Павлом Глыбой и Йосифом Геленкевичем, командиром бронепоезда «Ваня-большевик». На Геленкевиче все кожаное, и звездочка у него на фуражке не матерчатая, самодельная, а металлическая, крытая красным лаком. Государственная звездочка. Сразу видно: из дальних краев гость.

- Ну, как тебе наш зверь? – спросил Геленкевич у Махно.
- Нестор пожал плечами, сощурил в усмешке глаза:
- Серьезная коняка... Чего ж тогда тикаете на Ростов?
- Маневр! – объяснил Геленкевич. – Военная тайна.
- Та какая там тайна? Бойтесь, шоб германцы не перерезали вам путь! А без железного пути ваш бронепоезд – як тигра в цирке.
- Ну, ты без этих шуточек, товарищ Махно! – вмешался Глыба.
- Не злись, Павло! – добродушно сказал Нестор. – А если серьезно, то глянь кругом. От – пути, а кругом голая степь. – Он обвел рукой пространство вокруг станции. Дальние поля. Одинокие рощицы. – Решаться все будет в степи. А хозяин здесь – крестьянин. Станут воевать наши селяне – и германцу не удержаться.

Паровоз окутал их облаком пара.

- От только винтовок у нас больше, чем патронов. Может, поделитесь патронами? – попросил Махно. – Все равно ведь уходите.
- Как, товарищ Глыба, дадим анархистам патронов? – спросил Геленкевич.
- Конечно, они хоть и без пролетарского понимания, но... на данный момент союзники. Надо дать. Тем более они, я думаю, на пути к большевикам. А куда ж еще? Ясное дело!
- Антисемитизмом не болеют? Это сейчас первейший вопрос на Украине.
- Чего нет, того нет. Полный интернационал. Этого у них не отнимешь!
- Тогда ладно.

Черногвардейцы стали грузить ящики в подводы.

- А где Щусь? – спросил Махно.
- Вроде до немецких колонистов подался. Сказал, контрибуцию с их изымет, – ответил Лашкевич.
- Контрибуцию?... Это он любит.

Один из ящиков треснул при погрузке, и на днище телеги просыпался ручей из новеньких, сверкающих медной желтизной патронов.

Нестор взял пригоршню патронов, полюбовался ими. Понюхал.

- Смотри, Тимош, это и есть тульская пшеница. Кто съест, тот и подавится...

А в это самое время Щусь, Калашник и Лепетченко, вежливо постучавшись, вошли к Насте. Даже сапоги вытерли на пороге.

– Срочно собирайся, Настя. Возьми, шо для себя и для дитяти на первое время понадобится.

– Куды?

– Нестор Иванович вызывает. В Софиевку. Немцы с панамы на нас идут, – объяснил Щусь. – Дуже тяжелое будет тут положение.

– А чога ж вин мени сам не сказав? – Настя глядела на них недоверчиво.

– Ты ж знаеш, он на бронепоезде... решил проехать по уезду. За тобою прислал Сашка Калашника!..

Сашко согласно кивнул головой.

Настя какое-то время размышляла:

– Ладно, я быстренько!..

И, развернув плат, начала бросать в него вещи.

Ребенок, словно почувяв неладное, захныкал.

– Тыхо, тыхо, Вадимко. До татка поидем. Татко зове!..

Щусь помог завязать ей узлы.

В тачанке они ехали вчетвером. Вадима держала на руках Настя. У ее ног валялись клунки. Из одного торчал уголок кружевной «панской» сорочки.

Калашник был за кучера. Кони свежие, напоенные, накормленные. Повозка катила мягко. Вадим дремал.

На развилке свернули с шляха на проселок.

– Куды ж вы, хлопци, на степову дорогу? – обеспокоенно спросила Настя. – Софиевка – по шляху, прямо.

– На шляху, говорят, германска разведка, – ответил Щусь.

С проселка свернули и вовсе на малоторную дорогу. Она повела в выбалок, где разросся густой кустарник, верболоз, камыш... Даже поздним утром здесь плавал туман. Было сумрачно и глухо, как в вечерний час.

– Хлопци! Там же Мокрый байрак – топко!

– Зато нихто не побаче...

– Куды вы нас везете?

Калашник, понукая лошадей, въехал в самую гущу верболоза. Гибкие прутья сомкнулись за тачанкой, только колея была чуть видна.

– Хлопци, вы шо? – крикнула Настя. Но голос ее тут же оборвался: ей зажали рот.

Сухо щелкнули в глухом выбалке два выстрела. И стало тихо. Только еле слышно шептал камыш.

Черная большая птица с шумом вылетела из чащи, тоскливо кугикнула и исчезла...

Глава пятая

Через две ступеньки Нестор взлетел на второй этаж коммуны «Счастье трудящихся». Торопливо прошел через зал. Суровые бородачи-анархисты, отказавшиеся от всего личного во имя революции, со стен провожали его строгими взглядами. Поблескивали их глаза, тщательно нарисованные дедом Будченко.

Коммунар Кондрат Полищук и еще какая-то бабка с охапкой глаженого белья повстречались на его пути. Махно улыбнулся им:

– Драствуйте!

– Доброго здоровьячка, Нестор Иванович!

– Ну, як тут у нас?

– Жывем – не тужым, – беспечно ответил Кондрат. – От тилькы панська печка дымыть, зараза! Прийдеться перекладать.

– Ну-ну, хозяйнуйте!

Нестор резко распахнул дверь в свою спальню. Радостный и веселый встал на пороге.

– Настена!.. Настя!.. – окликнул он. Ответом была тишина. – Ты шо, не слышишь, Настя?..

Только сейчас Нестор заметил следы поспешных сборов. На полу валялись впопыхах брошенные чепчики и рубашечки Вадима. Пустая колыбелька висела как-то боком, выбросив, словно перо из потрепанного гусяного крыла, кусок пеленки. И кровать, обычно застланная Настей с крестьянским усердием, сейчас была словно выпотрошена. Вышитые подушки куда-то исчезли, осталась одна, простая....

Нестор вышел из спальни, растерянно побрел по коридору. Наткнулся на своего ездового:

– Степан, не знаешь, где Настя?

Конюх пожал плечами:

– Я ж з вами був, Нестор Иванович.

Нестор уже не слышал его ответа. Спустился по лестнице вниз.

– Лашкевич! Ты не слышал, куда Настя с дитем подевалась?

– Я только вернулся. Патроны на нашому склади розгружав.

Нестор махнул рукой: мол, помню.

– Щусь. Где Щусь?

Из-за спины Лашкевича возник молоденький коммунар из новых черногвардейцев – Юрка Черниговский. Он смотрел на Махно, как новобранец на фельдмаршала.

– Товариш Щусь подальсь з хлопцями десь трошки пошуровать...

– Делом бы занимались! А то наладились грабить...

– Так багатеєв же, Нестор, буржуєв. Контрибуция, верный доход, – бросил в оправдание друзей Тимош.

– А ты, Юрко, – обратился Нестор к молоденькому черногвардейцу, – не знаешь, куда моя жинка подалась?

– Так кажуть, поихала кудысь. До родычив, чи шо! Може, в гости?

– Какие гости?! Какие еще гости?! – выходя из себя, сорвался на крик Махно. И позвал ездового: – Степан!

Конюх мгновенно возник перед ним.

– Запрягай!

– Так тилькы ж роспряг! Кони ще в мыли...

– Шоб вас черти взяли...

Нестор сам вывел из конюшни первую попавшуюся лошадь.

– Пидождить, хоть засидлаю, Нестор Иванович! – забеспокоился Степан.

Но Махно одним махом забросил легкое, маленькое и ловкое тело на спину лошади, и, лупанув сапогами коня под бока, исчез со двора, растаял во тьме.

– Скаженный, без седла! – пробормотал вслед Степан. – Ну, нема бабы, так шо?.. Объявиться! Он моя: то туды девалась, то сюды. И шо? И никуды не делась!

Лашкевич нахмурился и покачал головой. Он-то все знал...

...А Нестор мчался по степной дороге. Маузер в деревянной кобуре бил его по бедру, шапку он потерял, но даже не заметил. Тело враз заболело: отвык скакать без седла, как бывало в детстве.

В селе Федоровка, где Настя крестила Вадима, он придержал коня у приземистой хатки, скрытой за тыном и садочком. Спрыгнул. Рванул дверь так, что заколыхался и едва не погас огонек керосиновой лампы.

Его встретили крестные Вадима, что принимали младенца после купели. Они встревоженно глядели на хмурого Махно, на его маузер, словно и в самом деле были в чем-то виноваты.

– Здорово, кумы! – бросил Нестор. – И не думайте, шо я не знаю, как вы Вадима хрестылы... Моя Настя, случаем, не у вас?

– Ни, – замотали головами сельяне. – Нема!

– Не брешете?

– Та хай Господь нас покарае, – разом перекрестились они.

Убедившись, что ему не врут, Махно снова вскочил на лошадь, по бокам которой стекала пена.

Сельяне смотрели ему вслед. Прислушивались к торопливо удаляющемуся конскому топоту.

А Махно вскоре уже входил в хату Насти, где его встретила теща.

– Нестор? Заходь!..

Но выражение ее лица изменилось, едва она увидела состояние зятя.

– Шось з Настей? – обмерла она.

– Мамо Дуся, може, вы шо-то знаете... де ваша дочка?

И тут же понял, что теща ничего не знает. Повернулся, вышел во двор к тяжело дышащей лошади. Та косила испуганным глазом и пятилась от него, как от смерти.

Тетя Дуся выскочила следом, схватилась за сердце.

– Нестор, шо скоилось? Куды ты подивав Настю?.. Не мовчи, Нестор!

– Ничего не знаю.

– Знаеш, Нестор! Скажы!

Махно молча взобрался на лошадь. На этот раз уже тяжело, неуклюже: оба вымотались – и человек, и животное. Выехал на улицу. Весенняя темнота легкая: далеко просматривались ряды белых хаток.

За ним с криком и воем бежала простоволосая, растрепанная тетя Дуся:

– Нестор, шо ты з моею Настей зробыв? Куды ты мою доньку подивав, каторжнык чортив!..

Но Махно уже был на дальнем краю села...

Поздним вечером в зале коммуны, освещенном двумя керосиновыми лампами, он застал и Щуся, и Сашка Лепетченка, и Каретникова. Следом бежал Степан с горестным лицом. Хотел доложить, что лошадь тут же пала.

Махно подлетел к Федосу, схватил его за грудки:

– Федос, где Настя? Где Вадим?

– Та ты шо, Нестор? – развел руками, не сопротивляясь, Щусь. – Мы ж з хлопцами в колонию наведелись... два воза добра привезли.

– Я не о том! Я спрашиваю, где Настя? Где сынок мой Вадим?

– Так она ж давно, бабы говорили, собиралась из коммуны выйти, – почти шепотом, проникновенно ответил Щусь. – Не нравилось Насте в коммуне... а тебе боялась сказать, от и скрылась куда-то...

– Бреешь! Не могла она от меня тайно сбежать. Не могла!

– То ж баба, Нестор! У нее другая голова. Для нее наша анархия як козе барабан. Она наших идей не воспринимает... Я правильно кажу, хлопцы?

Несколько черноговардейцев утвердительно закивали, отвечали вразнойбой.

– Баба, шо з неї взяти!

– Знайдеться со временем!

– Вернеться!..

Махно отпустил Щуся и еще раз пристально взгляделся в лица хлопцев. Неожиданно схватился за рукоять маузера, стал выдергивать его из тяжелой деревянной кобуры.

– Брежете! Знаете, где она! Сговорились! Куда дели?

Товарищи навалились на него, не позволили достать оружие. Маузер оказался в руках Каретникова.

– Нестор! Ты глянь во двор! – сказал Щусь. – Народ собрался. Немцы идут на нас, стражники петлюровские, паны... Люды от тебя слова ждуть...

Они под руки вывели ничего не понимающего, шатающегося Нестора на балкон. Внизу – огни факелов, «летучие мыши», скопище людей, телег, коней. Увидев Махно, толпа начала кричать.

– Нестор Иванович! Скажи слово!

– Беда! Германь вже в Александровску!

– Шо робить, Нестор?

Все новые и новые телеги въезжали во двор. Гул нарастал.

– Скажи им, Нестор! – прошептал Лашкевич. – Ждуть люды!

Махно ошалело смотрел на огни. Потом начал мелко дергаться, на губах выступила пена. Хлопцы затащили его обратно в зал, уложили на кушетку. Приступ дугой выгибал тело Нестора, четверо черноговардейцев едва удерживали его.

– Голову держи!.. Голову!..

Щусь вышел на балкон.

– Люды! – прокричал он. – Нестор Иванович за всех за нас мучается! Его лихоманка трясет от людского горя! Но он – с нами! Только хай трохи отдохне та сыл набереться! А пока... пока – ховайте оружие и ждите наказ Нестора! Он знает, як германа прогнать! Ждуть его слова!..

Нестор же постепенно затихал в руках хлопцев. Испуганный Юрко Черниговский вытирал сдернутой со стола скатертью мокрое лицо командира.

– До матери його отвезем, – сказал Лашкевич. – Завтра ему полегчае.

Нестор проснулся в своей хате на полатах, с полотенцем на голове. Было раннее утро. Мать сидела рядом, жалостливо глядя на сына. Так некогда сидела она подле избитого конюхом подростка, утешая его и уча жизни. Только теперь мать – усталая седая старуха, а Нестор – в годах, многое повидавший мужик, изрядно этой самой жизнью помятый. Открыв глаза, он молча смотрел в потолок.

Евдокия Матвеевна сняла с его головы высохшее полотенце. Вздохнула.

– Не надо так убываться, сынка. Все возвернеться на свое место. И Настя найдеться, и дитя... Побережы себе. Он як похудав, як писля тюрмы.

Махно не отвечал.

– Ты ж из запорожских козакив. И в полон нас брали, и были, и мучили. Все перенесли, все перетерпили... И про тебе люды кажутъ: настоящий козак. Надеются на тебе...

Но Нестор продолжал молчать.

За окнами раздались звуки подъехавшей коляски, возбужденные голоса, конское ржание.

Мать встревоженно вскинулась, но Махно оставался ко всему безучастен.

Щусь, Сашко Лепетченко и братья Нестора – Омелян, Карпо и Григорий вошли в хату.

– Нестор, германцы близко! – закричал Щусь. – Уже в Новосельцах... Собирайся!

Махно безмолвно смотрел на вошедших.

– А вы? – спросила Евдокия Матвеевна у сыновей. – Вы тоже з Нестором?

– Та ни, мамо. Кажуть, германци старых не трогают, – ответил Карпо. – У нас до того ще й дитей куча, а Омелян – инвалид...

– А Гришка?

– Вин десь на хуторах скрывается.

– Скорише! – торопил Федос.

Хлопцы взяли Махно под руки, повели к двери.

– Стойте! – Омелян надел на Нестора плечевой ремень с тяжелым маузером. – А то шо люды скажутъ! Нестор Махно – и без оружия. Нельзя!

Они вывели безвольного Махно во двор, к тачанке, усадили на заднее сиденье. Щусь сел рядом, поддерживал его. За кучера был Лепетченко.

– Трогай!

Тачанка и конные тронулись.

– Пидождить, – поднял руку Нестор, обернулся к матери, слабым голосом попросил: – Мамо, як Настя вернется, пригрейте коло себя. И Вадимку, сына мого. Побережить их!

– Та як же! Дочка ж! Внук! Не сумлевайся! – ответила Евдокия Матвеевна.

– Они вернуться! – убежденно сказал Нестор и сник, склонился на плечо Щуся.

Евдокия Матвеевна, а вместе с нею и сыновья (кроме Григория, который поехал вместе с Нестором) смотрели вслед тачанке. Старуха несколько раз перекрестила пыль, что столбом вилась за растворяющимися вдали всадниками.

Нестор открыл глаза, долго смотрел на дорогу. Снова задремал...

Скрылось вдали Гуляйполе, исчезли верхушки тополей... Промелькнул еще какой-то небольшой хуторок и исчез за завесой степной пыли.

Взгляд Нестора становится все осмысленнее. Он о чем-то напряженно думал...

Затем тронул Лепетченко за плечо:

– Попридержи, Сашко!

Кавалькада остановилась.

Махно спустился на землю, лениво размялся, одновременно – в который уже раз! – пристально всматриваясь в лица своих хлопцев.

Потом подошел к Лашкевичу, под которым резво ходил породистый скакун из коммунарской конюшни.

– Слазь, Тимош! Сядь на мое место.

– Нестор, ты ж слабый ще! – возразил Лашкевич. – Ще нельзя тебе верхи!

– Слазь! – приказал Нестор.

Лашкевич торопливо соскочил с коня, уронив при этом очки. Нагнувшись, нащупал их в пыли.

Все замерли. Ждали, что будет.

Махно впрыгнул в седло, показывая, что сил у него еще достаточно.

– За мной не ехать! – Он достал маузер. – Все поняли?

– Ну, Нестор, тоби ж нельзя... – хотел приблизиться к нему на своей гнедой кобыле Григорий.

Зрачок маузера поглядел на Лашкевича, потом на Левадного, на Григория, остановился на Щусе.

– Не верю я вам!.. Никому не верю! – твердо сказал Нестор и во весь опор пустил скакуна по степной дороге.

Черногвардейцы смотрели ему вслед. Никто за ним не тронулся.

На рассвете лавина пестрых войск уже заливала хутора вокруг Гуляйполя. Пылила по широким шляхам.

Развевались бунчуки. Полоскались над конными немецкие красно-черно-белые флаги с орлами, австрийские – с такими же орлами, украинские желто-блакитные с трезубцами, красно-бело-зеленые венгерские с геральдическими щитами...

Один из отрядов въехал в усадьбу Данилевских.

Коммунары – и те, кто прежде работал у пана и остался в имении, и те, кто недавно здесь поселился, но по какой-то причине не сумел уехать – теснились у стен флигелей. Бабы прижимали к себе детишек.

Пан Данилевский соскочил с коня. Оглядел имение, испуганных людей. Из рыдвана выбралась Винцента. Внезапно откуда-то вылетела большая лохматая собака, бросилась к девушке.

Бывший гуляйпольский пристав, а ныне офицер войск украинской стражи Федор Петрович Лотко, приехавший вслед за паном в бричке, схватился за винтовку.

Но собака уже облизывала лицо присевшей Винцуси.

– Жан, Жанчик, Жануся, – лепетала девушка, теребя пса за уши.

Данилевский улыбнулся. Любовь собаки вернее человеческой привязанности.

Василь тащил в дом поклажу.

– Разрешите гнать всех этих в шею! – подбежал к Данилевскому бывший пристав Федор Петрович.

– Кого?

– Коммунию!

– Разберемся, – разгладил вельможные усы Данилевский.

И направился в дом. В зале он увидел портреты Бакунина, Кропоткина, Прудона, Пугачева. Те тоже смотрели на него застывшими, старательно выписанными глазами.

– Папа, папочка! – Винцента поглядела на отца умоляюще. – Там много детей... куда же их? Не гони, вели разместить где-нибудь во флигелях.

– Не годится, барышня, – сказал Василь, осторожно ставя сундучок на пол. Осмотрелся. – Глядеть, весь паркет сапожищами пошаркали... И гвозди в стенах. Гнать надо, плетюганам.

Данилевский всматривался в лицо Кропоткина. Серебристая пышная борода – да, это так, но художник-любитель изобразил какого-то мужичка, в крайнем случае опростившегося Льва Толстого, не ухватил тонкие черты князя в двадцатом колене, из удельных князей Смоленских, аристократа, увязшего в благородных теориях и заботах о «простом народе».

– Вот и князь тоже не советует обижать коммунариев, – согласился с дочерью пан Данилевский. – И в самом деле, разместите их во флигелях. К тесноте им не привыкать.

– Який ще князь? – недоумевая, спросил Василь.

– Вот этот. Кропоткин Петр Алексеевич. Мечтал о народном бунте и последующей райской жизни. – Данилевский скривил губы в иронической усмешке. – Что ж, бунта он дождался, но не думаю, что очень этому рад. – И обратился к дочери: – Пойдем, Винцуся, посмотрим, как выглядит их райская жизнь...

Они шли по дому, узнавая и не узнавая его. Заглядывали в комнаты, заваленные нехитрым селянским скарбом...

Глава шестая

Отступающие красноармейцы, анархисты, селяне устало брели по окраинам Ростова. Революционная и просто трудовая Малороссия и Новороссия, названные теперь, с одобрения Временного правительства и Рады, Украиной, уходила от немцев. Вместе со всеми в этой толпе двигался на взмыленном коне Нестор Махно.

На широкой окраинной улочке конь остановился, заржал и опустился на передние колени. Нестор едва успел соскочить – коммунарский скакун завалился на бок. Морда его залилась кровавой пеной. Исхудавшие бока, серые от пыли, судорожно подрагивали...

Впрочем, Нестор выглядел не лучше. Он тоже был весь в пыли, только зубы белели. Присев на чье-то крыльцо, он упер голову в ладони и сидел так, безмолвно взирая на умирающего коня.

Мимо шли люди. Он видел только ноги: в опорках, сапогах, драных башмаках, босые. Проезжали, скрипя ступицами, телеги, арбы, брички...

– Шо ж ты, братишка, такого пегаса угробил? – пробасил кто-то над ухом Махно. В интонациях смешались одесский и донбасский выговор.

Махно не шевельнулся.

– Куды ж ты, хлопче, так спешив?

– Не знаю, – вздохнул Нестор. – От себя, может.

Он поднял глаза и увидел крупного, из кости и мускулов отлитого человека. У него было широкое добродушное лицо с мясистым носом, глаза-щелочки, но в их глубине читались уверенность в себе и своей силе, природная сметка и бесстрашие. Внешностью и тяжестью тела он напоминал циркового борца.

Вокруг незнакомца столпились его подчиненные, с головы до ног увешанные оружием и бомбами – фитильными самоделками и новыми, капсюльными. В разговор не вмешивались, соблюдали иерархию.

– Не мучай животину. Прыстрели! – посоветовал «борец».

– Не могу, – мотнул головой Нестор.

– Помогты?

Нестор не ответил. Увидев, как незнакомец вынул маузер, отвернулся.

Сухо щелкнул выстрел. Тишина. Только шарканье сотен ног.

Какой-то казачок подбежал к Махно:

– Чуешь, землячок? Продай седло! Оно тебе все равно уже без надобностей!

– Бери, – махнул рукой Нестор.

Тот быстро и деловито снял с убитой лошади седло, взвалил его себе на плечо, бросился догонять ушедших вперед товарищей.

– Ну, шо ж, братишка! Прощевай. А то, может, с нами? – спросил «борец». – Голодать не будешь, клянусь Одессой!

Махно все так же неподвижно сидел на крыльце, отрешенно глядя куда-то в пространство перед собой. Он не хотел сейчас ни чьего-то внимания, ни участия, ни сочувственных разговоров...

В одинокой хатке, которая как бы отделилась от большого приднепровского села, горел огонек. Как и тогда, в ту рождественскую ночь, когда был «чуден Днепр» для Владислава Данилевского.

Сейчас была поздняя весна восемнадцатого, но капитан, одетый как простой селянин, шел к этому огоньку крадучись, вглядываясь в сумерки зоркими глазами фронтовика.

Постучал в окошко.

Дверь открылась сразу же, и «ведьма» Мария обхватила рослого красавца-капитана руками, приникла к нему.

– Я знала, шо це ты, – шептала она. – Знала, шо ще вернешься...

И он целовал ее страстно и нежно. Оглянувшись, закрыл за собой дверь.

– На одну ничь? – спросила она.

– Да.

– А шо ж так?

– Надо успеть проскочить через немцев.

– А шо тоби германа бояться? Оны з офицерамы дружать.

Он оглядел хату. Ничего здесь не изменилось с тех зимних дней и ночей.

– Я не для того с ними три года воевал, чтоб теперь дружить.

– Шляхетська в тебе кровь, – усмехнулась Мария. Она быстро поставила на стол тарелку с дымящимся борщом, нарезала хлеба, прижимая каравай к высокой крепкой груди.

– Ты словно ждала кого-то...

– Тебя, – счастливо засмеялась она и объяснила: – Я ж ведьма. Чувала!

Но лицо ее то и дело мрачнело. Он между тем жадно ел.

– И куда ж теперь? Опять на Дон?

– Не знаю. Наверно. Казаки уже нахлебались советской власти. Приютят.

Она стояла рядом, наблюдая, как Данилевский расправляется с борщом. Лампа освещала ее силуэт.

– Постой! – Капитан отставил тарелку, присмотрелся, положил руку на ее живот. – Что, правда? – спросил он, поводя ладонью и ощущая нечто новое в линиях ее тела.

– А чего ж неправда? – усмехнулась она. – Сильно я тогда на печи тебя отогрела. Од души. Данилевский встал, прижал ее к себе, стал целовать волосы, уши.

– Ты радый?

– Радый, – ответил он. – Эх, если б не военная кутерьма...

– А шоб ты сделал? Взяв бы до себе в горнични?

– Да уж нашел бы, что сделать, поверь.

– Я б и в горнични согласна. Только шоб дитя признав.

– Признаю. Даст Бог, сгинут большевики...

Она гладила его лицо.

– Не сгинуть оны, серденько мое... И тоби ще воевать та воевать...

Они стояли, обнявшись.

В Гуляйполе отряд немцев, стражников и гайдамаков окружил хату Махно. Среди тех, кто опасливо, держа оружие наготове, вошел во двор, были и александровский исправник Демьян Захарович, и бывший пристав Лотко. Лотко постучал прикладом в дверь:

– Махно, выходи!

Из сеней выглянула старая Евдокия Матвеевна.

– Где твой сын? – строго спросил исправник.

– У мене их пятеро.

– Нестор.

– Нема. Сив на коня та й поихав.

– Куда?

– Та хто ж його знае. Свит за очи...

– А остальные?

– Та яка ж маты вам скаже, куды диты подальсь?

– Ничего! Найдем! – угрожающе пообещал исправник и обернулся к Лотко: – Пали бан- дитское гнездо!

По команде пристава несколько стражников подскочили к хате, сунули под стреху горящие факелы. Огонь лизнул сухой камыш, побежал по крыше.

...Задыхаясь, потеряв платок, седовласая Евдокия Матвеевна бежала по улице.

Позади поднимался столб дыма, и языки пламени плясали над садом. Огонь пожирал крышу.

– Ой, лышенько!.. Ой, беда-беда! – причитала она на ходу. Слезы заливали ее лицо.

Восемнадцатый год. Весенняя пора Гражданской войны. Пока только цветочки, еще не ягодки...

В имении пана Данилевского суета. Челядь носилась по коридорам, вынося вещи коммунаров во флигеля. Мели, мыли, чистили...

Стоя на стремянках, слуги развешивали новые, вернее, старые портреты взамен «анархических». Столяр в зале полировал большой стол, исцарапанный черногвардейцами на советах. Сокрушенно качал головой...

Ветеринар Забродский внес в зал стопку солидных, но довольно растрепанных книг.

– Вот, Иван Казимирович, – сказал он с виноватым видом, – брал в библиотеке...

Немного растрепались...

Данилевский взглянул на него с удивлением.

– Извините, но был вынужден давать этим... ну, коммунарам, читать... главным образом по животноводству...

Бровь Данилевского еще выше поползла вверх.

– Ну, было что-то вроде курсов по животноводству, ветеринарии, – совсем смутился Забродский. – Что оставалось делать? Заставили...

– Так и продолжайте, – посоветовал пан. – Хорошее дело! А я вот не додумался... Да-да, продолжайте! Занимайтесь с работниками. Образование необходимо.

– Слушаюсь! – обрадовался Забродский. – Только многие ушли.

– Кто без греха – вернется, – сказал Данилевский. – Зато когда вся эта вакханалия кончится, у нас будут грамотные животноводы!

В залу вбежала Винцуся. По местным понятиям она уже была вполне взрослой девушкой, но сохранила детскую непосредственность и легкость движений.

– Папа, папа, я нашла комнату, в которой жил этот... Махно. Именно он. Там детские вещи. У него, оказывается, маленький ребеночек. Представляешь, у Махно – ребеночек!

– Археологическая находка! – улыбнулся Данилевский.

– Идем, я тебе все покажу! – Винцуся потянула отца за руку. И тот последовал за дочерью.

В комнате, где жили Нестор и Настя, Данилевский с любопытством стал просматривать книги, а Винцуся – аккуратно складывать на столе детскую матерчатую обувь, рубашечки. Одну из рубашечек, искусно расшитую, рассматривала у окна.

– Как вышито! – восхитилась она. – Просто талантливо!.. Папа, а почему люди не могут жить все вместе, в мире? Ну, жил бы здесь этот Махно с ребеночком, с женой, работал бы, как все, а вечерами песни пел... вот как у Гоголя... Так хорошо, так славно!

Данилевский не отрывался от книги. Это был томик прозы Лермонтова, похожий на тот, который Нестор многократно перечитывал в Бутырской тюрьме.

– К сожалению, доча, – ответил он, на секунду прервав чтение, – к сожалению, ему больше нравился не Гоголь, а бунтарь Михаил Лермонтов. Тут вот пометки самого Махно. «...Воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созиданию или разрушению...» Очень любопытная пометочка!

– Неужели он... он читал такие книги? Он же необразованный!

– Представь себе, читал. Наша российская тюрьма была великой школой. Школой революции, конечно.

В комнату ворвался вспотевший и улыбающийся исправник.

– Извините, шо без доклада, Иван Казимирович! Спешу отрапортовать! С Махно покончено! Хату спалили!..

– Как «покончено»? – спокойно спросил Данилевский, продолжая глядеть в книгу.

– Сам он сбежал, – несколько обескураженно продолжал Демьян Захарович. – И братья его тоже. Но в скором времени мы их всех переловим и... Словом, все! Кончился Махно!

Данилевский захлопнул томик Лермонтова, отложил в сторону.

– Боюсь... – задумчиво сказал он, – боюсь, что Махно только начинается.

Глава седьмая

Смеркалось. Косой солнечный свет пронизывал зеленые улицы города.

Нестор неторопливо шел по Таганрогскому проспекту Ростова.

На одном из лучших городских зданий, еще недавно принадлежавших табачному фабриканту Асмолову, между колоннами он увидел броскую растяжку: «Федерация анархистов Ростова».

Поразмыслив, толкнул тяжелую дверь, изрешеченную пулями. В коридоре его встретила мрачная личность в матросской форменке, у ног которой, как собака, расположился пулемет «Максим». На голове у стража – сбитая набок роскошная «генеральская» фуражка. Совсем недавно она принадлежала здешнему швейцару.

– Анархист? – грозно спросила личность.

– Шел бы ты, браток, к такой-то матери, – лениво ответил Махно.

– Проходи! – посторонился матрос. – Сразу видать – свой. Вали наверх, там щас обедают.

Придерживая рукой тяжелый маузер, Махно поднялся по лестнице. Здесь, в пролете, висели все те же знакомые, но порядком искаженные местным художником портреты вождей русского анархизма. Среди них почему-то были еще Штирнер и Разин.

В зале Нестор застал весьма смешанное общество: мужчин в военной и полувойенной форме, штатских при оружии, которое в сочетании с пиджаками выглядело нелепо, особенно пашки. В компании было и несколько женщин явно легкого поведения; одна из них пришила к волосам шляпку-шантеклерку. Под ногами бродили породистые собаки, оставшиеся в доме со времен Асмолова, подбирали анархические объедки...

Стол был богатый, напоминающий о воспетых поэтами грозных временах чумы. И о новейших временах повального грабежа.

Некоторое время Махно, перекатывая желваки, смотрел на пирующих.

Человек в мундире без погон, с цветком, торчащим из нагрудного кармана, встал и тоже стал изучать вошедшего:

– Кто такой? Какой организации?

– Нестор Махно.

– Из Гуляйполя?

– Из Гуляйполя. А шо?

Лицо «мундира» расплылось в улыбке.

– Друзья! – обратился он к сотоварищам. – Так это вот и есть тот самый Махно! Ну, который создал анархическую республику в вольных степях левобережной Таврии!

Собравшиеся дружно зааплодировали.

– Товарищ Махно, а это представители анархизма Одещины, Донетчины, Ростова! Ваши, так сказать, соратники и едино... едино...

Он осекся под жестким взглядом Махно. Рука Нестора потянулась к рукояти маузера.

– Соратники, говоришь?.. Бреешь! Здесь жрущие и пьющие трепачи в компании бл***й! Загадили залу. Собаки, объедки... Стыдно! «Анархисты»!

– Замечание... э-э... справедливое. Но, товарищ Махно... не сегодня завтра немцы будут в Ростове, – залепетал растерявшийся «мундир». – Последний ужин в братской, так сказать, компании... Просим присоединиться!

– Где можно помыться и поспать? – спросил Махно.

– Там, на третьем этаже, – показал наверх оратор.

Махно повернулся, чтобы уйти, но «мундир» задержал его:

– Минутку, Нестор Иванович!

- Ну, шо еще? – недружелюбно отозвался Махно.
- Вас тут искали. Вроде бы тоже из Гуляйполя.
- Кто?
- Не представились...
- Почему вы решили, шо из Гуляйполя?
- Так они спросили, нет ли кого из Гуляйполя? На минуту зашли, спросили. И исчезли.
- Как хоть выглядел? Молодой, старый?
- Уже вечер был, темновато: не разглядели.
- Спасибо и на том. – И Нестор покинул зал.

Побродив по коридорам, он нашел какую-то каморку, заваленную одеялами, пальто, шубами, шляпами, коробками с обувью и почему-то пулеметными лентами. Расстелив на полу шубу, Нестор накрылся с головой и затих. Его сразу сморил сон...

А этажом ниже развернулась нешуточная работа. «Дамы» под руководством человека в мундире, подоткнув подола, мели и мыли тряпками пол. Анархисты вольных республик Украины гремели посудой: тарелками, бокалами, столовыми приборами. Все это добро летело через окно на улицу, нарушая тишину ночного Ростова лязгом и звоном.

– И шоб все было чисто! – покрикивал «мундир». – Шоб нас не стыдили заслуженные деятели движения!

– Уймись, Теодор! – упрекнула его вспотевшая распатланная дамочка. – Хватит речей!

– Между прочим, это узурпаторские методы, которые мы отвергаем! – ворчал один из уборщиков.

– Ты это Нестору Махно скажи! – ответил «мундир». – У меня в кармане семечек меньше, чем он пострелял народу...

Ранним утром в Доме федерации анархистов кто-то, громко топая по коридорам, стучал в каждую дверь и орал басом, от которого, кажется, дрожали стекла:

– Эй, Махно! Где ты, козачий сын? Отзовись!

Нестор поворочался под шубой, но не высунулся, а только перевернулся на другой бок.

В каморку заглянул огромный, увешанный гранатами человек. Тот самый «цирковой борец», что недавно предлагал Нестору пойти вместе с ним.

– А ну просыпайся!

Махно нехотя выглянул из-под меха. Узнал.

– Опять ты? – И снова нырнул под шубу.

Однако незнакомец стащил с него драгоценное манто:

– Вставай! Немцы уже под Ростовом! Клянусь Одессой!

Нестор протер глаза.

– Когда будут в Ростове, разбудишь! – недовольно буркнул он и попытался снова чем-нибудь накрыть голову.

Бомбист сгреб Нестора в охапку и рывком поставил на ноги.

– Мне сказали, шо ты – Махно?

– Ну!

– С Гуляйполя?

– С Гуляйполя!

– Брешеш! Той Махно, рассказуют, черт з рогами. Моторный хлопец, боевой, первейший из анархистив. А это шо?.. Малое, сонное, ленивое, як байбак!

– Но-но! Не сильно наступай, дядя! – озлился Махно. – Если тебя перерубать, тоже поменьшаешь!

– Не серчай! – добродушно пробасил бомбист. – Пошли быстренько!

Они спустились на этаж ниже, миновали пустой зал, где еще вечером шло пиршество. Бомбист на ходу сказал:

– Мне пожаловались, явился Махно, всю федерацию разогнав и пишов спать. Чого ж, спрашиваю, сами сматываетесь, а його не разбудылы? Так боимся, говорят. Злющий, як собака... Я и подумав: попаде хлопець до немцев, клянусь Одессой.

– А, собственно, ты кто такой? – спросил Махно.

– Ну, ты даеш! Мене весь Донбасс знае, а ты «хто такой». – Здоровяк протянул ему руку: – Командир донбасских анархистов-бомбистов Левка Задов. Шо, не слыхав?

– Нет.

– Значит, ще услышишь! Клянусь Одессой!

– Не пойму, так ты с Одессы чи з Донбасса?

– А шо тоби больше бы понравилось?

– Все равно.

– Вообще-то я донецкий. Но шибко Одессу полюбов. Мы там буржуазию тряслы. Хороший город, богатый.

Со звоном разлетелось большое оконное стекло, и с улицы донеслись звуки выстрелов, цокот копыт...

– Быстрее! – Задов схватил Махно за руку. Но тот вырвал ее, остановился как вкопанный. Задов с удивлением посмотрел на Нестора.

– У меня в маузере еще пять патронов. И обойма. Да ты мне пяток бомбочек оставишь, – сказал Нестор и, подумав, добавил: – И катись к едрене фене своей дорожкой.

– Шо, геройску смерть хочешь принять? – спросил Задов, почесывая затылок. Этот маленький гуляйпольский анархист вызывал у него симпатию.

– Давай бомбы! – попросил Нестор.

– Сичас! – Левка подошел к Махно, якобы собираясь отцепить от своих ремней гранаты, но неожиданно сгреб его в охапку и, как пушинку, понес вниз, к выходу.

На улице, в реквизированном автомобиле, Левку уже ждали его товарищи-бомбисты. Тревожно прислушивались к разгорающейся в ближних кварталах перестрелке.

Задов бросил Нестора в кузов автомобиля и навалился на него, попрिдержал.

– Гони на станцию! – крикнул он шоферу. – До бронепоезда!

...Неуклюжий сборный бронепоезд, обсыпанный людьми, словно муравьями, двигался по степным просторам.

На борту главного блиндированного вагона оплывшей масляной краской было выведено «Анархист Коц...».

Задов, Махно и еще несколько человек сидели на крыше бронеплощадки рядом с оружейной башней. Постукивали на стыках колеса. Перегруженный бронепоезд двигался медленно.

– Слушай, шо это за «Анархист Коц»? – спросил Махно у Левки. – Кто такой? Ничего про такого не слыхал.

– А бес его знает, – пробасил Левка. – В России сейчас анархистов, як блинов на Масленицу.

– Ты, Левка, все про блины, – заметил сосед, перепоясанный пулеметными лентами. – Давай лучше про мацу...

– Мацу не люблю. Сухость одна и хруст. Блины – другое дело. Особенно на коровьем масле. Багато не съем, а штук двести – ежели под настроение и в аппетит. Клянусь Одессой!

Окружающие расхохотались.

– Не надо, братцы, про жратву, – попросил кто-то. – Бо вже живот втянуло, як у той блудной собаки.

– Буде станция – розживемся! – ободрил «братков» Задов.

– И все-таки, – не унимался Махно, которого пока еще не слишком волновала мысль о еде, – кто ж он такой, этот Коц? Я почти всех известных анархистов знаю. Чем прославился?

Пожав плечами, Левка постучал массивной самодельной бомбой по броне оружейной башни. Люк отворился, и оттуда высунулся чумазый морячок в кожанке и бескозырке с местами вылинявшей надписью «Бесстрашный».

– Чого грюкаете, дармоеды безбилетни? – весело спросил он.

– Тут, братишка, есть интерес насчет этого Коца. Шо за анархист? Чим прославывся? – обратился к нему Левка.

– Колеса крутятся, шо вам ще надо? – удивился моряк.

– Не скажи! Желаем знать своих героев, – ответил Левка. – Имеем право.

– То не Коц, а Коцюба.

– Коцюба? – Нестор удивленно пожал плечами. – Кто-нибудь слыхав про таку знаменитость?

– Ни!

– Не знаем. Кто такой?

Морячок сбил набок бескозырку:

– Так це ж я и есть Коцюба... Краски, понимаеш, трошки не хватило. В Царыцни розживусь – домалюю.

– Краской разживешься и напишешь: «Анархист Кропоткин!» – строго сказал Махно.

Морячок задумался, стал загибать пальцы, считать. Покачал головой:

– Ни, не намалюю. Буквов багато, не вместяться. А Коцюба – в самый раз.

– И чим же ты, Коцюба, так прославывся, шо на нашем революционном бронепоезди свою фамилию желаешь увековечить? – так же строго, как и Махно, спросил у морячка Левка.

– Чим-чим? – даже обиделся морячок. – А цым... як його... Ну, хлеб ростыв, диток тринадцать душ... и цее... два года комендором при орудии.

– Ну, орудие – это щас не в счет. Теперь все чи при орудии, чи при пулемети. Жизнь така, – размышлял Левка. – А от тринадцать диточок – это да! – И решительно добавил: – Ладно! Малюю свою фамилию. Як братва? Не будет возражений?

– Та ни!

– Чого там!

– Хай малюе!..

Левка протянул комендору уполовиненную «козью ножку». Морячок с наслаждением затыкнулся.

– Хорошо тут у вас, на воздухи, – сказал он. – Блаженство души.

– Так вылезай! – пророкотал Задов. – Пулемет дамо! Ручный!

– Не могу. Потому я есть корабельный комендор и должен быть при орудии.

– Так немцы далеко отстали, из твоей пушки не достать.

– А як большевыки?

– Ты шо, очумев? – спросил Задов. – Мы ж до большевыков и прорываемся, им на подмогу.

– Опоздали вы, братишечки, не знаете текущего моменту! – сказал комендор. – У йих все переменилось. Даже Красну гвардию большевыки переделуют в Красну армию. Без выборных командирив, а только спецы и при йих комиссары. И дисциплина, як в старе время...

– Да ты шо? – удивился Левка и растянул ворот куртки-шахтерки. – А за шо ж мы тогда з красноперыми вмести буржуев били, за шо з ими, з красноперыми, разом воевалы? Бок о бок!

– Во-во, именно шо сбоку... – поморщился морячок и бросил тлеющий остаток самокрутки вниз. – Ладно! Штормяга всех проверит!

И он исчез в башне. Бомбисты переглядывались.

– Это шо ж получается? Мы едем, як семечко в маслобойку? – спрашивал Левка. Но никто ему не ответил, потому что никто ничего не понимал. Ни Задов. Ни Махно. Ни все остальные...

На крупной станции бронепоезд остановился. Обремененный листами брони паровозик устало пыхтел, сбрасывая пар.

На белом вокзальном здании с выбитыми стеклами болтался уцелевший остаток вывески-названия станции: «...ская».

Комендор, рассматривая в бинокль большую казачью станицу, углядел многолюдный и шумный базар, сказал бомбистам:

– Гляди, братва, а базар тут фартовый!

– Так донска ж станица! Казачки! – отозвался один из анархистов. – Кучеряво живуть!

– Контра они все! – ответил ему другой. – Кулаки и буржуи...

Бомбисты стали соскакивать с бронепоезда. И те, кто сидел на бронеплощадках, и кто висел невзвешен на чем, и те, кто жарился внутри, – все побежали на базар. Кто с пустым сидором, кто с котелком, кто с ведерком. Запасаться!

Шум, гам. Каждый спешил оказаться первым. Кто-то из бомбистов упал, круглая граната оторвалась от его амуниции и покатила по дороге. На это не обратили внимания. Только кто-то пошутил:

– Не наступи, хлопцы, она кусачая!

Захохотали – и вперед.

Левка и Махно остались на бронепоезде.

– Чего не пошел захарчиться? – спросил Задов у своего нового приятеля. – Я за бронепоезд в ответе, а ты чего?

– Денег нет.

– А у моих байстрюков, думаешь, есть?

Через некоторое время бригада и пассажиры бронепоезда побежали обратно. В котелках, ведрах несли яйца, молоко, всякую снедь. У кого под мышкой каравай пшеничного хлеба, у кого в руках несколько кур, гусь или визгливый подсвинок. Мешки за спинами тоже были раздуты..

А следом за анархистами поспешали разъяренные торговцы, в основном бабы, старики и дети. Кричали, галдели...

Но добытки уже передавали харчи в двери вагонов, сами с помощью товарищей быстро лезли наверх. Живая – гогочущая, визжащая и кудахтающая – добыча исчезала где-то за броней, в башнях.

Толпа остановилась перед бронированным чудищем. Бабы продолжали орать, а старики и детишки били по броне кто чем: кулаками, каменюками, палками...

– Бандиты!..

– Грабители!

– Ты сначала вырасти его, выкорми, а потом...

– Отдай, зараза!..

Махно хмурился.

– Не дело это, – сказал он Левке. – Нельзя крестьян обижать. Неправильно!

Левка встал на броне.

– Граждане и гражданки! – Его бас и внушительный вид заставили толпу стихнуть. – Вы видите перед собой бесстрашный отряд революционных анархистов, который...

Он смолк, так как был не мастак говорить речи. Стоящий рядом бомбист из более грамотных, возможно, бывший учитель, попытался шепотом подсказать:

– ...который немало жизней положил на алтарь борьбы с буржуазией...

– Та помолчи ты, ей-богу! Сам скажу, як умею! – озлился Левка и продолжил свою речь: – В результате непрерывных кровавых боев мы малость, як бы это получше сказать, оголодали...

И он вдруг сорвал с плеча «учителя» кожаную дамскую сумку.

– Да ты что, Левка! – зло прошептал анархист. – Тут же вся наша казна!

– Но мы не якиесь там грабители! – проревел Задов, размахивая сумкой. – И у соответствии с революционной анархической совестью согласни расплатиться за все реквизиции... ну, за то, шо у вас трошки харчей позычили! В общем, разделите по-братски, кому шо задолжалы!

И он высыпал содержимое сумочки на утрамбованную насыпь: керенки, царские ассигнации, кредитные билеты, билеты Займа Свободы. Звонко катились, ударяясь о рельсы, немногие золотые и серебряные монеты.

– Клянусь Одессой, это всё! Больше нема!

Торговцы бросились подбирать деньги.

– А насчет грабежу, так не надо обижаться, – продолжал басить Левка, возвышаясь над сутолокой. – Вы ж знаете, все граблять. Чи белые, чи красные, чи анархисты, чи монархисты. Бо все голодни. Хочь и воюем, а жрать хочется!.. И ще! Про деньги! Их же все равно скоро отменять, як пережиток... потому шо, клянусь Одессой, голод и деньги – то наши злейши враги, против кого мы и воюем. Плюньте вы на них, як на заразу, шо делае из человека свинью...

Всю эту прекрасную речь Левка произносил, стоя высоко над людьми, которые ползали, падали, вскакивали, вырывали друг у друга бумажки и монеты, не обращая внимания на его слова.

Махно молчал. Он задумчиво наблюдал за этой нелепой сценой: и смех, и слезы.

Сутулая, крепкая еще старуха выпрямилась, держа в руке несколько бумажек.

– Эт-то шо ж, за мого гусака только тридцать керенок? – спросила она у Левки. – Та он же отборным зерном кормленный! Сто двадцать стоит, не меньше!..

Левка высмотрел в сутолоке суетливого мужичка в очках, который уже успел подобрать несколько царских «катенок».

– Ты, оглоед! – крикнул он. – Я тебе говорю, который в очках. Отдай вон той гражданке за гусака «катыку». Бо твоя полудохлая курыца и десяти керенок не стоит. А ты сколько сгреб? Я ж сверху все бачу, клянусь Одессой!

Мужичонка неохотно расстался с частью добычи и исчез в толпе.

А толпа не переставала недовольно шуметь, требуя денег.

Левка показал пустую сумку, а затем, размахнувшись, забросил ее подальше. Вслед за ней устремились несколько оборванцев.

– Хороша станица, душевна, – сказал комендор, слушавший разговор из полумрака открытого люка, и достал из-за пазухи своей объемистой кожанки бутыль. – И самогон на тутешнем базаре лучший по всему Донскому краю. Из винограда гонюють. Так шо, мабуть, тут и заночуем!..

На рассвете бронепоезд окружили красногвардейцы с винтовками и пулеметами. Разношерстное войско – кто с нарукавной повязкой, кто с жестяной звездочкой вместо кокарды, кто в офицерском мундире и с красным бантом на груди – выглядело не очень грозно. Тем не менее это была местная военная власть.

Начальствующий красногвардеец в папахе, с лихо завитым казачьим чубом, постучал рукояткой револьвера в броню.

Из дверцы броневой рубки высунулся комендор Коцюба в тельняшке.

– Позовите командира! – приказал красногвардеец в папахе.

– Не можу, – тихо ответил Коцюба. – Оны сплять. И дуже сердяться, когда их будять.

– Скажи, его вызывает начальник Красной гвардии города, – строго сказала «папах». – А это, – он указал на коренастого седого мужика, – председатель здешнего Ревкома.

– Счас. – И морячок скрылся в рубке, но на мгновение еще раз выглянул: – Но я за вас усю ответственность з себе снимаю.

В рубке комендор встретился взглядом с недовольным заспанным Левкой.

– Шо там за крик, ей-богу? Выспаться не дадут!

– Какоесь начальство. Командира шукають. А командир дуже хмельни, не встануть.

– Ладно, я с имы потолкую. – И Левка высунулся из рубки, взгляделся в светлые ночные сумерки, спросил: – Кто тут нами интересуется?

– Вы командир бронепоезда?

– Ну, допустим.

– Тут такое дело. Мы представители Красной гвардии и местного Ревкома...

– Ну шо ж, познакоимся. Приятное дело.

– Нам поручено взять вас под арест и произвести следствие.

– Это за шо ж такая немилость?

– За самоуправство и устроенную на базаре реквизицию, а точнее, грабеж.

Левка пренебрежительно сплюнул.

– Не шибко круто завинчуете? – спросил он.

– Вот в Ревкоме и разберемся, круто чи не круто! – сказала «папах». – Согласно указаниям правительства Донской Советской Республики, такие анархические действия настраивают казаков супроть новой власти. Наступае критический момент, деникинские добровольцы пруть, а вы тут подрываете...

– «Реквизиция», «грабеж»! – криком прервал «папаху» Левка. – А ты моих людей накормыв? А мы, замежду прочим, не барышень катаем, а йдем на защиту Царицына! Так шо ты дурня не валяй, а поскорей открывай семафор!

– Бронепоезд ваш задерживаю! – строго ответила «папах». – А вы все там – сдайте оружие и следуйте за мной!

– Строем чи як? – весело спросил Левка и бросил в темноту броневагона: – Связь! – Взяв у Коцюбы телефонную трубку, Левка подмигнул морячку: – Приготовиться к отражению атаки!..

Повсюду позахлопывались дверцы вагонов и башенок. Орудия начали вращаться, поводя своими хоботами и словно отыскивая цель. Анархисты, сидевшие на крыше бронепоезда, отцепили от своих переkreщенных ремней бомбы, залязгали затворами винтовок...

– Шо б вам тут для начала размолотыть? – оглядывая в бинокль окрестности, задумчиво спросил Левка. – Може, вам водокачки не жалко? Чи того... вокзала?..

И случилось то, на что и рассчитывал Левка: командир красногвардейцев сделал подчиненным знак рукой. И те стали отходить от бронепоезда, волоча за дуги «Максимы» и изредка оглядываясь.

...С характерным звуком поднялась «рука» семафора.

«Анархист Коц», ухнув паром, начал тяжелое движение.

Бомбисты посмеивались. Неодолимой была их вера в свою силу и революционный порыв. Случившееся они восприняли как мелкое и веселое приключение.

Бронепоезд, медленно набирая скорость, обдал паром стоящих на насыпи красногвардейцев....

До Царицына было вроде уже и недалеко, но кто взялся бы предсказать, сколько времени займет дорога! Сутки? Может, трое? А то и неделю или даже больше. Революционные порядки!

Глава восьмая

Царицын кишел революционным народом. Красная твердыня. У входа в обшарпанный особняк висел кусок фанеры с надписью: «Федерация анархистов Черноморья, Азовщины и Поволжья». Между особняком и скосбоченным домишкой покачивался на легком ветерке лозунг-растяжка: «Превратим Царицын в центр мировой анархии». Белые буквы расплылись от дождей, черное полотнище было в пятнах. Но это не смущало тех, кто решил «превратить». Благо весенние дожди уже дали дорогу раннему лету.

У входа в особняк толпились люди, одетые кто во что горазд и вооруженные чем попало. Встречи, объятия. И здесь, на улице, и там, в коридоре особняка, куда протискивался со своей компанией Левка Задов. К этой компании и примкнул Нестор.

– Дайте пройти, братцы! – звучал бас Задова в многолюдном коридоре.

– Левка, ты? – раздался чей-то удивленный возглас.

И уже Левка, как медведь, тискал такого же, как и сам, огромного грека-анархиста:

– Ганжа, дружище! А я слыхав, шо тебя вбылы, клянусь Одессой!

– То Ганоцкого вбылы. А для мене, Левочка, ще не отлили ту пулю.

Наконец Задов вспомнил о Махно, который с любопытством наблюдал за встречей двух друзей.

– А это знаешь хто? – Левка указал на Махно. – Не смотри, шо ростом не в нас с тобой. Это ж тот самый черт рогатый Нестор Махно! Ну, тот, шо раком поставыв все Приднепровье.

– Махно? Ну як же! Слыхав!.. – И Ганжа вдруг ударил себя ладонью по лбу: – Подожди, вчора слыхав! Чи позавчора. Ну да! Тут тебе какойсь родич шукает. Я його и съодня видал!.. Ты от шо, дружаня! Иди так пряменько по калидору, свернеш налево, найдеш шесту комнату. Он там уже третьи сутки подушку давит. Если только не помер с голоду.

Нестор протискивался сквозь гомонящую толпу. Толкнул дверь шестой комнаты. И увидел дремлющего, несмотря на окружающий шум и суету, человека. Лица не было видно, он уткнул голову в колени и обхватил ее руками.

Махно присмотрелся. Затем тронул спящего за рукав. Тот мгновенно проснулся, вскочил, бессмысленно тараща глаза.

– Гриня?.. Григорий? – удивился Махно. – Ты як здесь? Чего?

– Тебе шукав. Больше месяца... В Ростове з тобой розминувся. Потом в Калитве тебе люды видали и ще в Калачи. Я так и решыв, шо тебя в Царыцыни надо шукать. Тут все штабы.

– Ну, ладно! Ще наговоритесь, – пробасил вошедший следом за Нестором Левка. – Пошли крышу шукать! Бо тут народу, як селедки в боки. А ночевать же где-то надо.

Но Махно был озабочен грустным, даже скорбным видом брата, который как будто силился что-то сказать, но не решался. Григорий осунулся, потемнел лицом, зарос щетиной.

– Шо-то случилось, Грыць? – спросил Нестор.

– Та... потом...

Нестор понял: произошло что-то серьезное, раз брат бросился на его поиски.

– С Настей что-то? Говори! Не тяни душу! Шо-то про нее узнали?

– Та ни. Про Настю – ничего...

– Ладно, вы идите. Позже мы сюда ж подойдем, – сказал Задову и Ганже Нестор. – Мы пока там на бережочке посидим, поговорим.

Они сидели на лежащем у кромки воды бревне. У их ног шелестели речные волны. Разноголосыми гудками перекликались пароходы, переделанные теперь большей частью в «боевые корабли». С пулеметами и даже с малокалиберными пушками.

– Господи, до чого ж велика Россия... – говорил Григорий. – Волга, казалось мени, на самом краю света. А выходить, шо й за Волгой ще земли и земли, аж до океана. А вже там тая... як вона... Япония, де наш Омелян свой глаз потеряв... – Последние слова он произносил уже почти плача. И неожиданно, весь дергаясь от рыданий, он приник к Нестору, обнял его: – Омеляна та Карпа... убили их, братику... И хату нашу спалили. Только одна печь и осталась.

– А мама, дети?

– Их не тронулы.

Нестор молчал, щурил глаза, рассматривал то ли дальний волжский берег, то ли нечто еще более дальнее.

Выждав, когда брат немного успокоится, он спросил:

– Давай по порядку. Когда, кто, как?

– Сперва нашу хату спалили. Потом пришли до Омеляна... пристав, стражники, германци, ще офицер якийсь... их тепер у нас стільки всяких... «Ты Махно?» – «Я – Махно». Дитей, правда, до соседей отвелы. А Омеляна до тына приставили и без розговору шарах з винтовок... Може, они его за тебя приняли. А може, просто мстылись... Ну, а потом Карпа привелы, шарахнулы над головой. А у нього сердце не выдержало. Он последнее время сильно хворав. Жаловался, шо йому все воздуху не хватает... Сейчас и мама, и диты – вси чотырнадцять – живуть в хате Карпа.

– Не плачь! – строго сказал Нестор. – Не время плакать.

– Мама совсем сыва стала. За тебе дуже беспокоиться... за Савву. Савва, слава Богу, десь ховається. Хтось продав його. Узналы, шо он с тобою на Кичкасскому мосту офицеров топил.

Помолчали. Плескалась река, колыхались в воде облака. Покой. Только гудки революционной волжской флотилии нарушали тишину.

– Кой-кого из твоих хлопцев бачив. Ждут тебя, – сказал Григорий, понемногу приходя в себя. – В плавнях станем жить, по балкам... и германцев, стражников, офицеров сничтожать... Щусь, правда, сколотил небольшую бандочку, промышляють, як могут... В плавнях продукты не растут. На одний рыбе довго не проживешь. Шуруют по погребах, по хатах... Не, без тебя, Нестор, не будет дела. Оружие у людей есть – атамана нема. – Григорий ждал ответа, но Нестор промолчал. И тогда он добавил: – Слухи пошли, мол, Нестор уже не тот. Не хоче насмерть воевать!.. Дурни! Не знают тебя!..

И вновь Нестор промолчал. После длинной паузы попросил:

– Про Настю шо-нибудь скажи. Может, хоть шо-то люды говорят? Не могла ж она исчезнуть без следа.

Григорий вздохнул:

– Ничого... – И добавил уже как нечто определенное, выношенное и как бы отторгающее память о Насте: – Возвертайся додому, Нестор! Германци росстрелюють, вишають, плетюга-намы сичут до смерти. И паны... оны тоже мстяться за свои маетки та за землю... Большая беда на Украине! Народ стонет!.. Ворочайся!

Махно встал:

– Пошли, помянем братьов.

Под вечер слегка подвыпившие Нестор и его брат вернулись к особняку, где размещалась федерация. Что-то изменилось вокруг. Не было надписи на стене, что здесь находится штаб анархистов. Исчезла растяжка-лозунг насчет Царицына как будущего центра мировой анархии. И толпа не осаждала вход. Зато стояли, беседа, несколько человек с винтовками, по виду не совсем похожие на анархистов. Строги, подтянуты. Невдалеке темнела машина, мотор ее работал.

Приглядевшись, Нестор заметил у одного часового звездочку на заломленной фуражке.

– Подожди! – настороженно сказал Нестор брату. – Отойди от меня подальше, а лучше спрячься там, за лабазами. Если шо, пробирайся додому. Скажи хлопцам: жив буду – вернусь.

– А шо случилось? Шо? – забеспокоился Григорий.

– Сказано, отойди од мене. Сгинь! – сердито повторил Нестор и решительно зашагал к особняку.

Люди с винтовками, оглядев его и заметив маузер, расступились, пропустили в дом.

Но едва Нестор оказался в коридоре, как на него навалились, заломили руки, сорвали кобуру.

– Один из тех! – сказал крепко сбитый, скуластый мужичок. – С маузером. Видать, ихний начальник! Давай его до Романа Савельича, в ЧеКу.

Глава девятая

Время, как вода в широкой реке, текло в тюрьме незаметно.

Только покинув Бутырку, Нестор узнал о событиях, случившихся за годы его заключения. Теперь, на воле, он смог кое в чем разобраться и стал постепенно нащупывать под ногами твердую почву.

Он увидел, что в России существует невероятное количество партий, направлений, группировок, каждая из которых отстаивала свою правду и, не задумываясь, пускала в ход как аргумент пулю, или штык, или шашку, а то и артиллерию. И даже всяк отдельный человек предъявлял «свою правду» и нередко тоже был готов пойти на убийство ради собственных убеждений.

Великая Мировая война (чуть позже ее назовут Империалистической) произвела невиданное опустошение в сознании жителей многих стран, но для России ее последствия были просто катастрофическими. Еще долгие годы после этой войны русская душа была больна. Люди находились в состоянии крайнего психического возбуждения.

На Западе называли все произошедшее кризисом цивилизации, упадком гуманизма, «закатом Европы». Там воспринимали мировую катастрофу умом, интеллектом. В России – душой. Ум может переварить и переосмыслить многое, душа – нет. Она надрывается...

Война для русских началась наскоком на Восточную Пруссию, по всем правилам былых кампаний. Гвардейская пехота и кавалерия шли в первых рядах. Пулеметов и легких, отличных скорострельных пушек было в достатке. Первые победы ошеломили самих наступающих. В Петербурге, спешно переименованном в Петроград, ликовали. Но тут же выяснилось, что смелости у гвардии и других кадровых частей более чем достаточно, а вот настоящих полководцев нет.

Кайзеровские военные даже были готовы отступить и отдать (на время) Восточную Пруссию. Но все же, подтянув тяжелую артиллерию и лучшие части, нанесли контрудар. Крупновские пушки сказали свое веское слово.

Поражение русских оказалось сокрушительным. Командующий Первой армией Александр Васильевич Самсонов застрелился. И так как «мертвые сраму не имут», всю вину за поражение свалили на командующего Второй армией Павла Карловича Ренненкампа, «русского немца». Вскоре его отстранили от командования, отдали под суд из-за «великого множества преступлений», еще довоенных, а через четыре года расстреляли. В Таганроге. Правда, по приговору уже советского ревтрибунала. За командование карательным отрядом в Восточной Сибири в годы Русско-японской войны, когда взбунтовались рабочие и железнодорожники, не пропуская поезда по Великой Сибирской магистрали. Ренненкампа проявил тогда крайнюю жестокость, чтобы навести порядок.

С обвинений в адрес Ренненкампа началась кампания обличения «русских немцев», переросшая в истерическую германофобию, затмившую былой антисемитизм и даже как бы отменившую его.

В самом деле, а кто же еще мог быть виноват? Ну уж, конечно, не Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, близкий родственник самодержца, безусловно, прекрасный строевой офицер, который, по своим военным способностям, мог командовать разве что дивизией, не более того.

После поражения в Восточной Пруссии, стремясь заткнуть дыры на северном участке и предотвратить прорыв германцев, главнокомандующий бросил в бой лучшие силы. Так, в Мазурских болотах полегла почти вся гвардия, опора державы, воевавшая с поистине безумной храбростью, заботясь о чести эполет, званий, фамилий.

Боевые действия поначалу шли с переменным успехом, но постепенно перевес стал неумолимо передвигаться в сторону противника. Выявились страшные прорехи в военном снабжении, недостаток оружия, прежде всего тяжелой артиллерии. Война развивалась совсем не так, как предполагали стратеги. Это было затяжное, позиционное, со сплошной линией фронта кровавое противоборство, требующее миллионов подготовленных солдат и офицеров, огромного количества боеприпасов, новейшей техники, продовольствия и амуниции, хороших дорог... Нехватка всего этого вкупе с отсутствием наверху настоящих военных умов тяжело сказывалась на состоянии русской армии.

Отправив Николая Николаевича на Кавказский, сравнительно небольшой фронт, самодержец взял обязанности Верховного главнокомандующего на себя. Для этой роли Николай Второй решительно не годился. Возможно, он даже сознавал это. Но уговоры близких, которые внушали императору, что одно его появление в Ставке в качестве «верховного» воодушевит любящих его солдат, подействовали. И Николай Александрович поверил в то, что неудач больше не будет.

В самом деле, постепенно стало налаживаться многое из того, что мешало ранее армии успешно противостоять умелым и хорошо вооруженным германцам. Крупные частные предприятия, выполняющие военные заказы, перешли под государственное управление. Путиловский и Подольский заводы начали производить тяжелую артиллерию поистине «морских» калибров, не уступающую крупновской. В нужных количествах в армию стали поступать патроны. Из среднего и младшего звена выдвинулись новые командиры.

Поражение, однако, вызрело не под напором германцев. Оно вызрело внутри армии, прежде всего внутри «серой солдатской массы», вчерашних крестьян, совершенно не готовых к восприятию новой, невиданной доселе войны. Армия купалась в крови. Потери только убитыми в русской армии превышали потери всех остальных стран Антанты (Англии, Франции, Италии, Японии, Румынии). Это было следствием неумелого командования, недостатка в боеприпасах и технике, а также тех довольно частых неподготовленных наступлений, которые объяснялись настойчивыми требованиями союзников «помочь», оттянуть часть сил кайзера с Западного фронта. Зависимость от союзников была значительной, прежде всего финансовая.

Русская душа, наивная и воспитанная в традициях православия: доброты, человеколюбия и участливости, – столкнувшись с достижениями западного технического ума, прагматичного и целенаправленного, не выдержала и, озверев, бросилась в другую крайность, отказываясь от всего, что проповедовала не только православная, но и вообще человеческая мораль.

Аэропланы, цеппелины, аэростаты наблюдения взмыли ввысь, словно «небесное воинство» дьявола. Артиллерийские снаряды с отравляющими веществами. Пулеметы. Разрывные пули. Минные поля. Тройные ряды проволочных заграждений. Бронемашин, танки. Траншейные крупнокалиберные минометы и мортиры, стреляющие надкалиберными чушками весом до шести пудов. Фосфорные бомбы и снаряды, разбрасывающие осколки с температурой около двух тысяч градусов, прожигающие тело насквозь. Огнеметы, выпускающие пылающие струи на расстояние до двухсот шагов... Да несть числа этим изобретениям, призванным уязвить, уничтожить мягкую человеческую плоть.

«Господа нас подучили, вооружили, бросили в окопы и нас же поливают адским огнем, о каком ранее никто и не слыхивал». Психика оказалась сломленной. Было от чего сойти с ума и еще больше ненавидеть господ и эту... интеллигенцию. И офицеров, которые заставляют все это терпеть. И полковых священников, которые благословляли на смерть, отпевая еще до гибели.

Недовольство в среде офицеров и солдат росло с каждым днем, и никакой большевистской пропагандой объяснить это было нельзя. Доморошенные идеологи пробовали направить подобные настроения в русло оголтелой германофобии. Любого немца подозревали в шпионаже. Это притом, что «мужи честны вышедши из немец» составляли во многих отношениях

костяк государственной и военной машины. Офицеры с приставкой к фамилии «фон» воевали самоотверженно, и потери среди них, в процентном отношении, были выше, чем среди русских: старались «обелить имя». Не помогало!

У старательных, трудолюбивых колонистов, прибывших в Россию еще при Екатерине, отнимали скот и зерно: первый, еще царский, опыт раскулачивания. Журналисты искали подводные лодки поблизости от колоний, в лиманах, где глубина была «воробью по колено». Власти арестовывали «немецких агентов», якобы подававших этим лодкам световые сигналы.

Дума приняла «закон о ликвидации немецкого засилья» – не без влияния тех, кто мечтал завладеть образцовыми имениями и предприятиями конкурентов с «вражескими фамилиями». Владимир Фальцфейн, описавший жизнь своего брата Фридриха, создателя знаменитой Аскании-Новой (вот уж кого нельзя обвинить в отсутствии русского патриотизма!), упоминает еще об одном нелепом законе: запрещении говорить по-немецки в ресторанах и общественных учреждениях, а также требования от «лиц немецкого происхождения» не появляться на улице в компании более двух человек. Владимир вспоминает, как в Херсоне не без опаски беседовали на русском языке три лица и их (шутки ради) напугал проходящий мимо земский деятель некто Горич. Он пригрозил им арестом. Эти три лица были: губернатор барон фон Гревениц, шеф жандармов барон Тульценман фон Адлерпфлуг и председатель уездной земской управы Оскар Фельц.

«Именно барон фон Адлерпфлуг... с величайшим усердием участвовал в травле немцев... Обрусевшие немцы поступали нередко более «по-русски», чем чистокровные россияне. В своей ненависти к Германии и ко всему немецкому они доходили до дикого фанатизма... многие после начала войны перешли в православные и даже поменяли имена... К сожалению, существовало предубеждение, что лишь приверженец православной веры является настоящим подданным русского государства»... Тоже из воспоминаний Владимира Фальцфейна.

Увы, кампания германофобии ударила по женщине, которая давно приняла православие и была более истовой верующей, чем многие фанаты религии, а именно по императрице Александре Федоровне. Повсюду распространялись слухи, что она-то и есть главная шпионка, выдающая секреты кайзеру. Слухи сильно будоражили и без того близких к бунту солдат, подрывали последнее доверие к власти.

Высшие военные чины прекрасно знали, что самодержец не принимает важных решений, не позвонив в Царское Село и не переговорив с венценосной супругой. Нередко он даже отменял резолюции после таких семейных совещаний. Все это не прибавляло уверенности в завтрашнем дне.

И все же одна лишь германофобия не срабатывала. Тогда военного министра Сухомлинова арестовали и судили за измену. Далеко не все понимали вздорность обвинений. По дисциплине и доверию солдат к своему начальству был нанесен страшный удар. Западные союзники писали: «Либо русские совершенно бесстрашны, либо окончательно потеряли рассудок. Во время военных действий судить министра за измену... на это могут решиться немногие!» Шестидесятивосьмилетнего Сухомлинова в конце концов из-за слабости доказательств его вины отпустили под домашний арест, к молодой жене.

Позже, в семнадцатом, когда терпящему неудачи куда более серьезные, чем при «старом режиме», Временному правительству потребовался козел отпущения, профессиональный адвокат Керенский, ставший военным и морским министром, вновь приказал арестовать Сухомлинова. Посадили в крепость. Удивительно: в мае восемнадцатого его освободила и вместе с женой отпустила за границу большевистская власть. Повороты судьбы!..

В конце шестнадцатого и в начале семнадцатого русская буржуазия, промышленники, банкиры и олигархи делали все, чтобы свалить Николая Романова или сделать из него номинальную фигуру, подчиненную им. Многим из этих «революционеров-бизнесменов» и поли-

тиков, путавших ораторское искусство с искусством государственного управления, казалось, что они смогут рулить страной лучше, чем император, потому хотя бы, что хуже невозможно.

Да, им удалось с помощью купленных газетчиков, своих агентов возбудить народ, наэлектризовать людей, и без того переживающих психический надлом. С плебсом они рассчитывали легко справиться: что будет делать толпа без опытных организаторов, знающих, как распоряжаться финансами, как управлять биржами, заводами, банками? Побунтует да и утихнет. Главное – возбудить, намагнитить, поднять «массы» на забастовки, растряссти армию и в конечном счете заставить самодержца передать корону им, подлинным властителям России. А уж они-то развернутся! Они доведут дело до победы!

Большевиков, лидеры которых удрали за границу или же ушли в подполье, они всерьез не принимали. Мелковаты-с!

Видные военачальники, командующие фронтами, также настаивали на отречении Николая Второго. Среди них те, кто потом возглавит белое, или, как его еще называли, кадетское движение: Деникин, Рузский, Корнилов, Брусилов, начальник Генерального штаба Алексеев. Уговаривал родственника отречься, возможно, рассчитывая вернуть себе должность, великий князь Николай Николаевич.

Союзники, англичане и французы, лобызавшиеся ранее с государем, тоже, как убежденные демократы, были не против избавиться от Николая Второго. Английский посол даже принял осторожное участие в действиях «заговорщиков». Крупный помещик, председатель Думы Родзянко, считавшийся прекрасным оратором и потому претендовавший на важное место в послецарской России, тоже ратовал за отречение. И популярный политик, публицист Шульгин. И участник «заговора дрожащих рук» Гучков, с помощью которого кое-как был убит Распутин. Гучков видел себя главным триумфатором, творцом победы. Эти самодовольные люди, задержав на фронте немногочисленные гвардейские части и тем побудив петроградский гарнизон к неповиновению, пугая царя разрастающимися забастовками, окончательно уговорили его отречься от престола в пользу брата Михаила, который еще до войны вернулся из Лондона со своей морганатической, но законной женой. Они были уверены: Михаил согласится на «английский вариант» – ограниченную, контролируруемую Думой и правительством монархию. То есть контролерами станут они сами.

Но Михаил решил провести остаток жизни где-нибудь в тихом уголке России вместе с бывшей капитаншей Вульфферт, теперь графиней Брасовой. Увы, этим тихим уголком станет для великого князя опушка леса под Пермью, где его злодейски убьют вместе с камердинером, ни в чем не повинным англичанином.

Во всем огромном семействе Романовых не нашлось никого, кто хотел бы и мог поднять упавшую шапку Мономаха. Это был полный крах, наступивший всего лишь через четыре года после торжественного трехсотлетнего юбилея дома.

Дальше начал действовать принцип домино. Сначала знаменитый Приказ № 1, принятый Временным правительством безликого и бесцветного князя Львова. Этот приказ отменял в армии дисциплину, отдавание чести, уравнивал в правах рядового с офицером (это во время войны!), утверждал в частях вместо единоначалия троевластие: командира, комиссара, назначенного правительством, и солдатского комитета, который решал все вопросы, в том числе относящиеся к высшему командованию, например выполнять или нет приказ о наступлении. Военные тайны упразднились. О предстоящих операциях теперь могли сообщать газеты.

Этот приказ и остальные меры «по либерализации» сделали армию небоеспособной.

Керенский, вскоре «за заслуги» ставший главой Временного правительства, всюду рассылал своих комиссаров и эмиссаров с задачей агитировать за продолжение войны. Этих посланцев нередко зверски убивали.

К тому же уже развернулись большевики. Лозунги их были просты: «Долой войну!», «Мир немедленно!», «Заводы – рабочим, землю – крестьянам!». Эти семена падали на большую, израненную душу и прорастали быстро, но диковинными всходами.

Солдаты разъезжались по селам и местечкам, унося с собой психоз немедленной и полной революции, уничтожения (а не просто изгнания) буржуев, кулаков и помещиков, дележа земли. Керенский, ставший Верховным главнокомандующим, пытался организовать контрудары на фронте. Надо было как-то оправдывать надежды Антанты. Долги России достигали почти пятнадцати миллиардов рублей. Золотых! По сути, долг был неоплатный, невозвращаемый, но новые «управители», в том числе назначенный военным министром Гучков, считали, что все так или иначе образует.

Перед Россией маячила перспектива стать чьей-нибудь колонией, но об этом не думали.

Были срочно созданы ударные отряды, или «отряды смерти», на манер германских штурмовых групп. Еще находились добровольцы, готовые умереть за «свободную Россию».

«Ударники», а среди них было немало георгиевских кавалеров, первоначально творили чудеса героизма, словно бы искупая грехи разлагающейся армии, которую германцы уже не воспринимали всерьез. На Северном фронте, южнее Риги, «батальон смерти» под командованием храбреца из храбрецов, уроженца Херсонщины, награжденного всеми возможными орденами «с мечами», то есть за боевые подвиги, штабс-капитана Василия Егорова, после серьезнейшей ураганной артиллерийской подготовки – снарядов уже было в достатке – пробил все три линии хорошо подготовленной обороны 88-й германской дивизии, возглавляемой опытным генералом фон Будденброком.

Этот прорыв мог стать решающим для всего Северного фронта, но соседние полки не поддержали «ударников». Они митинговали и в конечном счете «ввиду возможных потерь» отказались идти в наступление. Батальон Егорова вынужден был отступить и понес основные потери именно в этот период. Из тысячи ста солдат вернулась лишь половина, а из двадцати шести офицеров – пятеро.

Керенский, получивший на фронте новый титул «Верховный главноуправляющий», заложив по-наполеоновски одну руку за борт френча и размахивая другой (дамы плакали от умиления), призывал удвоить и утроить боевые усилия. Как ни странно, батальон Егорова, молва о героизме которого прокатилась по войскам, пополнился добровольцами и превратился в ударный полк, насчитывающий уже почти две тысячи солдат и пятьдесят шесть офицеров. Этим единственным по-настоящему боеспособным полком (да еще стойкими латышами) затыкали дыры под Ригой, спасая от окружения спешно покидавшую город Двенадцатую армию.

За две недели непрерывных боев, атак и контратак от полка осталось триста человек. Не желая погибать ради спасения невоюющих дивизий, «ударники» разъехались по домам.

Постепенно чуть ли не десять миллионов уцелевших в боине человек с озлобленной душой, не боящихся крови, расходились по домам, унося с собой оружие. Русская армия окончательно разваливалась. Авторитет Керенского сошел на нет.

Позднее Ленин вспоминал в своих выступлениях, что власть буквально валялась под ногами, оставалось только ее поднять. И хотя и Сталин, и Зиновьев с Каменевым попеременно возражали против восстания, опасаясь непредвиденного, большевики, при отсутствии в России крупных государственных мужей, явились единственной силой, которая понимала, чего хотела, имела цели и знала средства для их осуществления.

Керенский трусливо бежал. Надежды тех, кто все еще продолжал верить в премьера, рухнули окончательно. Большевики и их союзники, левые эсеры и анархисты, сразу выдвинулись на авансцену. При этом большевики благодаря Ленину и Троцкому явно стояли ближе к залу.

И пусть цели большевиков вроде мировой революции, объединения всех пролетариев мира в братском хороводе были химеричны, пусть начальные шаги вроде немедленной экспроприации и раздачи чужого добра рабочим и крестьянам были явным следствием утопической

мечты о всеобщем благоденствии, люди готовы были пойти за любым, кто поведет, укажет путь. Потому что предыдущие поводыри оказались слепцами.

В России наступало самое тяжелое и страшное время – начиналась Гражданская война. Вожаки, вожди, батьки, атаманы отхватывали себе кусочки страны, создавали отряды и даже армии. Конечно, «революционные».

Большевики, при всей четкости целей, на первых порах сами отдались стихии русского бунта. Здоровые мысли в их головах мешались с фантазиями, и воплощение этих фантазий в жизнь привело к тому, что маленькие костерки на местах, после относительно бескровного торжества советской власти, разгорелись пожаром в масштабах всей страны.

Но это произошло не сразу. Еще наряду со вспышками грубейшего насилия совершались акты милосердия. Еще отпускали «контриков» из тюрем. Так, Корнилов, Деникин, Алексеев, «генералы-демократы», вчерашние разрушители монархии, были выпущены из Быховской тюрьмы и вскоре оказались на Дону.

Была в России одна пара, которой война неожиданно принесла долгожданное счастье. В конце шестнадцатого года Николай Второй, ощущая приближение катастрофы, дал своей любимой сестре Ольге разрешение на развод с принцем Петром Ольденбургским и благословил ее на новый брак. После стольких лет мучительного ожидания тридцатичетырехлетняя великая княгиня вышла замуж за Куликовского, к тому времени уже полковника. Она была сестрой милосердия на том же участке фронта, где воевал ее любимый, а незадолго до свадьбы ее наградили за личную храбрость Георгиевской медалью, которую вручил ей начальник Двенадцатой кавалерийской дивизии генерал барон Карл Густав Маннергейм, будущий маршал и президент Финляндии.

Долгая и мучительная монашеская жизнь закончилась. Здоровая и страстная женщина, великая княгиня уже к трагическому для Романовых февралю семнадцатого с радостью ощутила, что беременна. Она мечтала иметь много детей. Пусть кровь, пусть революция, пусть ужасы, наперекор всему она хотела полного счастья, хотя впереди ее ждали тяжелейшие испытания.

Да, были, были женщины в русских селеньях. И в доме Романовых тоже.

Не инфицированный «благодаря» Бутырке бациллами общего психоза Махно оказался дома, в запорожских краях. Понял только одно: свобода! Почти полная свобода действий, избавление от панов, дележ земли и торжество анархии в одном отдельно взятом уезде. Он получил все это как бы на блюдечке и не мог до конца осознать те колоссальные изменения, которые произошли и в устройстве державы, и в душах людей.

И когда внезапно исчезли любимые жена и сын (он догадывался «почему», но не в силах был понять «за что»), «железный каторжник» был растерян и подавлен. Он бежал с Украины. В сущности, бежал в никуда. Ему предстояло переболеть. Он должен был выработать иммунитет в виде стойкой, неуязвимой идеи, восстановить убежденность в своем высоком предназначении, отказаться от всего личного, не имеющего отношения к его борьбе за идею. Либо выработать, либо погибнуть, смешаться с серой, податливой толпой, чего он никогда не хотел.

Выйдя на свободу, Нестор начал жить по законам своего анархического братства образца 1905 года. Построение нового общества зажиточных, наделенных землей крестьян, создание коммун на месте латифундий, союз с рабочими на почве добровольного обмена продукцией – вот его идеал тех времен.

Жизнь выплюнула его как вишневую косточку. Из этого зернышка должно было прорасти невиданное дерево, с плодами, гибельными не только для самого Махно, но и для самых близких ему людей. Потеря жены и ребенка была лишь прологом. Махно с опозданием, только сейчас вступал в мир большой крови.

Глава десятая

Чекисты, как водится, облюбовали для себя приземистый, похожий на крепость особняк на главной улице Царицына.

Нестора втокнули в кабинет, который хранил следы купеческой роскоши, и грубый канцелярский стол казался здесь инородным телом. Он попытался разглядеть хозяина кабинета, который сидел у залитого вечерним светом окна.

– Ну что, Нестор? – спросил человек, голос которого показался Махно удивительно знакомым. – Все своими цацками забавляешься? Анархическими?

Человек поднялся, вышел из-за стола. Сделал знак охраннику с винтовкой, чтобы тот удалился.

– Мандолина-а? – удивленно произнес Махно, не веря своим глазам.

Человек захохотал. Да, это был уже немолодой, утерявший былую гибкость и воровские вихлявые движения приятель Нестора по тюремным мытарствам, старавшийся в те давние времена в меру своих понятий помочь ему.

Теперь на нем был китель, кавалерийские шаровары, сапоги-вытяжки, ременная амуниция и револьвер в кобуре. Не шаловливый уголовник стоял перед Нестором, а серьезный представитель новой власти.

– Мандолина, – повторил Нестор, осматривая знаконца. – Н-ну, брат, и вознесло тебя!..

– Для начала: я для тебя не Мандолина и не брат. Не люблю фамильярности! – строго предупредил Нестора бывший дружок. – Сейчас я особуполномоченный ГубЧеКа Роман Савельевич Куш!

– Я и говорю: вознесло, – вроде бы даже порадовался за товарища Нестор.

– Вот именно. Скажу для ясности: был в ссылке в Сибири, попал к умным людям. Открыли глаза, обучили, сделали мыслящей личностью. После революции примкнул к большевикам. К твоему сведению, на их стороне и сила, и правда... Сейчас вот помогаю строить новое общество, расчищаю, так сказать, капиталистические завалы. Опыт, ты знаешь, с юности у меня большой. На мякине не проведешь.

Роман Савельевич говорил отрывисто, четко, умело, сыпал формулировками. Но что-то в его речах было вторичное, не свое. И это почувствовал проницательный Махно.

– А вот это: трень-брень? – провел пальцем по губам Нестор. – Забросил?.. Жаль! У тебя ж такой талант был. Мог бы где-нибудь в цирке выступать.

– Насмехаешься? – спросил Мандолина. – Ты хоть знаешь, где находишься? И что такое ЧеКа?

– Слышал краем уха.

– Карающий меч новой, советской власти. Важнейший орган борьбы с контрреволюцией и саботажем... А воюющий без меча – обыкновенный сопливый буржуазный болтун. Таким, к примеру, был Керенский. Не согласен?

Махно задумался.

– Ну почему же? Насчет Керенского согласен. А вот насчет меча, контрреволюции и саботажа, так это не про меня. Я больше за советскую власть, чем ты, это факт. Я, между прочим, председатель Гуляйпольского Совета трудящихся селян и солдат. Так шо ты своим мечом на меня не махай. Не в ту сторону махаешь!

Бывший Мандолина улыбнулся. Он был настроен благодушно. Встреча с Махно внесла в его жизнь оживление, пробудила память о прошлом, о «юности заблудшей».

– Ну и народ вы, анархисты. Оружия понацепляли, а карающий меч отрицаете! Или ты мне скажешь, никого не убивал? С чего тогда вдруг на вечную каторгу приговорили? За карету с деньгами? Брехня. Там кровь была, точно!

Махно нахмурился.

– За шо вы так на анархистов? – спросил он. – Мы ж вместе были – большевики и анархисты. Вместе революцию делали. У нас в уезде – раньше, чем в Петрограде. И сейчас наши боевые отряды – за трудящих!.. Что происходит?

– Сейчас мы, большевики, создаем Красную армию, – начал объяснять Роман Савельевич. – И анархистов мы не просто разоружаем, а, как бы сказать, вливаем в наши ряды. А то у вас кто в лес, кто по дрова. А нам нужен единый кулак! – Он продемонстрировал свой костлявый кулак. – Иначе не победим в масштабе... А кто не с нами, тот против нас. И таких мы будем это... элиминировать.

– Слова какие знаешь, – усмехнулся Нестор.

– Ну, если попонятнее: будем изымать из среды пролетариата. Короче, уничтожать. Время военное, некогда тут, понимаешь... Со всей Украины понаехало этих ваших анархистов. Тыщи! Затопили, как в половодье! В Москве уже с ними управились. Слышал?

Махно отрицательно покачал головой. Под напором бывшего Мандолины, который превратился в категорично рассуждающего Куща, он несколько растерялся.

– Отсталый ты элемент!..

Слова Романа Савельевича заглушал грохот время от времени доносившейся сюда канонады. Дребезжали стекла. Вазочка с высохшими цветами, оставшаяся от прежних хозяев, скользила по подоконнику, торопилась упасть. Но Кущ, еще сохранивший ловкость, подхватил ее буквально на лету молниеносным движением худой длинной руки.

– Похоже, где-то бой начался, – встревоженно сказал Нестор.

Роман Савельевич, не отвечая, покрутил ручку военного полевого телефона в кожаном футляре.

– Синюкова! – попросил он. – Петр Макарыч? Это Кущ. Что там?.. Ага... Ага... Понятно. Скоро буду. – И, подняв голову от стола, посмотрел на Нестора веселыми глазами: – Это вашего «Коца» наши батареи добивают.

– Какого Коца? – не сразу понял Махно.

– Да бронепоезд, на котором ты сюда прибыл... Или не на нем? «Анархист Коц». Интересно, кто это? Ихний командир? Не пожелали разоружаться и передать бронепоезд Красной армии... Личный состав придется элиминировать. Сопrotивление!

– Ты с ума сошел, Мандолина! Там же такие боевые хлопцы! Такая братва!

– Забываешься. Не Мандолина, а Кущ, – спокойно поправил Нестора Роман Савельевич, потуже затягивая ремень. Постучал стаканом о графин.

Тотчас вошел охранник, замер у двери. Винтовку с примкнутым штыком приставил к ноге.

– «Хлопцы», «братва» – это словечки из вашей запорожской вольницы! А нам нужны красноармейцы, а не братва! Кончается вольница! Все! – И он обратился к охраннику: – Отведешь. Передашь.

– На Степную?

– Нет, там могут сразу в распыл... Во «внутрянку» пока. Обыщите только! – И, проходя мимо Махно, бросил: – Посиди, подумай. И – к нам. Взвод дадим. Или чего побольше. Можешь и до полка дослужиться. Думай... На том свете думать не дают.

Уже в дверях Кущ неожиданно коротко отбил чечетку и при этом провел пальцами по губам, изумив не столько Махно, сколько охранника. Характерный звук мандолины родился и растаял в комнате.

Часовой вывел Нестора во двор, где в глубине, среди деревьев, стояло едва заметное одноэтажное строение с железной односкатной крышей и двумя маленькими зарешечен-

ными окошками. Это и была «внутрянка»: ЧК только обустроивалась. Туда и втолкнули Махно. Во дворе уже были глубокие сумерки, а в «тюрьме» и вовсе темно.

Нестор огляделся. Где-то далеко все еще громыхали, постепенно стихая, раскаты орудий.

– Слышь, браток, кто это там стучает? – раздался из угла хрипловатый старческий голос.

– Орудия, – ответил Нестор. – Анархисты с большевиками братаются коло станции.

– А что, такие пошли анархисты, что из винтовки их не взять? Пушку надо?

– Такие пошли, – нехотя ответил Махно. – А ты кто?

– Человек...

Старик достал спички, зажег щепу, подобранную под ногами. Приспособил ее в щель стенки. Щепка разгорелась, и теперь они могли рассмотреть друг друга.

В углу сидел махонький старикашка с голым черепом и седой бородашкой. Блестящие его глаза выдавали, впрочем, живой, вовсе не погасший ум.

– А как ты спички пронес, дед? – спросил Нестор. – Не обыскивали? У меня все выгребли.

– Да как не обыскивали!.. Обыскивали.

– Ну и как же?

– Да я, милоч, в рукаве тещу могу пронести, если надо. Сорок лет из тюрьмы на волю, из воли – в тюрьму... А энти пока еще не умеют обыскивать. Учатся!

Канонада стала постепенно стихать.

– Кто-то кого-то прикончил, – мрачно сказал Махно.

– Известно кого, – отозвался дедок. – Анархистов.

– Почему так думаешь?

– А чего ж тут непонятного! Анархисты – вот! – Он растопырил пальцы ладони. – А большевики – вот! – Дедок стиснул кулак.

– Помолчи, – подошел к окошку Нестор. – Может, еще забухает.

Они долго прислушивались. Но стояла тишина.

– Хе-хе, – вздохнул старик и неожиданно продекламировал:

За любовь и участие к народу
Потеряем мы дом и свободу,
За любовь и участие к нему
Обретем кандалы и тюрьму!

– Сам сочинил? – спросил Махно.

– Не... Где мне! Это поэт такой был – Некрасов... великий человек! Точно уже не помню всех стихов, сам я не письменный, а один хороший арестант читал. Давно уж, в восемьдесят первом, аккурат когда царя убили...

За дверью раздался голоса. Звякнули ключи, прогремели запоры. Старик проворно погасил лучину.

Кого-то еще втолкнули во «внутрянку». Кого-то крупного, громко и сердито сопящего.

Когда дверь закрылась и шаги охранников стихли, дед вновь зажег свою лучину.

– Задов! – обрадовался Махно. – Левка!

Одежда на Левке была разорвана, лицо разбито, как можно было догадаться, ударом приклада.

– Ты, Нестор? От тебе на – встренулись! А я-то думал, ты умнее: смотался!

Нестор смотрел на него, ожидая пояснений.

– Ну шо? – с горечью сказал Левка. – Мы як услышали, шо на станции нашего «Коца» колошматят, кинулись туда. А против нас на подходе – батарея трехдюймовок. И цела бригада. Ну и шо ты сделаешь? Сыпанули они шрапнелью. Сначала, правда, чуть в сторонку, шоб напужать. Только шапки од ветра послетали... Залегли. А лежачий разве может як след бомбу

бросить? А тут еще два броневика подкрались... – Левка вдруг всхлипнул – огромный обиженный ребенок. – На наших глазах долбали «Коца», пока хлопцы белый флаг не вывесили вместо черного. Цусима прямо! И кто? Свои же! Большевики! Революционеры за счастье рабочее!.. Ну, повязали нас. Хлопцев куда-то на Степную, а меня сюда. Говорят, если я не соглашусь перейти в Красну армию, расстреляют. А соглашусь – почет и уважение, паек, одёжа!

Щепа погасла, но старик нашел под ногами новую лучину.

– Что ж, им тоже солдатики нужны, большевикам-то! – заметил он.

– Эх, не понимаешь ты анархической души, дед! – с надрывом сказал Левка, стуча себя в грудь. – Шо жизнь? Тьфу! Свободу отбирают!

– Как не понять-то? – ответил старик. – Я, браток, анархистом был, когда тебя папа с мамой еще только сотворили...

– Да ну?

– Коромысло гну! Я, дружок, первый анархист Заволжья, степной волк. Вы от запорожских атаманов пошли, а я прямо от Стеньки Разина и Емельки Пугача... Через их завещанную долю стал анархистом-самоучкой. Эх, погуляли мы по Заволжью, пожгли помещиков, побили офицеров – любо-дорого!..

– А счас-то за что тебя?

– А по той причине, что воля, она живет, только пока революция. Вон как огонек на лучине: пока лучина есть, он горит... А потом берет в руки власть тот, кто сильнее... А меня повязали сначала большевики, а потом выпустили, потому что народ меня слушает, а я выступать страсть как люблю перед людьми... разжигаю огонек. А там, глядишь, и полыхнет... Ой, как иногда полыхает! – говорил он, зажмурившись и переживая сладкие воспоминания. – А потом опять повязали. Не пондравился чем-то. Вишь ты, я всяку власть воззывал сничтожать!

– Ножевой старичок! – с уважением произнес Левка.

Махно размышлял.

– Ну и шо ты решил, дедок? – спросил он у заволжского анархиста.

– Не покоряться и... принять смерть... Хочется мне какое-то геройство сотворить и через то в людских душах поселиться. Вот это и будет моя новая жизнь. А другой не хочу.

– А нам что посоветуешь?

– Ну, вы еще молодые. Нельзя, чтоб вас так, без толку постреляли. Вам жить надо.

– Покорившись?

– Ну, сегодня покорились, а завтра разъярились... А ты, малой, – обратился он к Махно, – еще долго будешь скакать, как необъезженный конек... Бежать тебе надо.

– Бежать? А куда? На Украине немцы, здесь большевики... Да и как убежишь?

– Была б охота, а вода дырочку найдет. В Москву беги, там, говорят, правда. Кропоткин там, Петра Алексеич. Он народ понимает. Вон какую революцию сочинил – на всю Рассею революцию!

– А говорят, Ленин.

– Ленин, конечно, тоже. Но его, вишь ты, помощники окружили, из бывших адвокатов, всю правду скрывают, на анархию наговаривают... А Петра Алексеич старенький уже, ему бы кого помоложе в подмогу. Примирить бы их, Ленина с Кропоткиным. И, может, снова будем в дружбе и понимании. Большевики, вишь ты, сначала тоже как анархисты были: все старое рушили напропалую, а преж всего армию! Ить как вначале сказано было: царску армию сменит вооруженный народ. А что вышло? Теперь этот самый вооруженный народ берут в тиски...

– Хорошо бы в Москву, – вздохнул Задов.

– А-а, – махнул рукой Махно. – Хоть здесь помирать, хоть в Москве. Один черт!

– Разочарованный, стал быть? – спросил дедок.

Махно не ответил.

– Это бывает. Ты, видать, хотел жисть переобустроить, а она сама тебя переобустраивать. Это как на болоте. Прямым итить нельзя. По кочкам надо бы, по кочкам... – Подсвечивая себе лучиной, дедок стал тщательно осматривать потолок «внутрянки». Потом обратился к Левке: – Слышь, бамбула! У тебя силы на десятерых хватит. Вот ежели ту досочку подломишь – поднимешь край крыши. А этот, – кивнул в сторону Нестора «анархист Заволжья», – он пролезет. А там в заборе дырку найдет... Жить захочешь – змеей станешь!

Дедок подтащил к стене несколько досок, валявшихся во «внутрянке».

– А часовой? – спросил Задов.

– Часовой об эту пору спит в копнушке в саду. Мобилизованные парни, они спать горазды.

Левка, встав на доски, могучими руками приподнял край тяжелой крыши. Поскрипывали гвозди. Левка то и дело приостанавливался, прислушивался. И снова напрягал могучие плечи. Пот катился по его лицу.

Дедок ему подсвечивал.

Наконец между крышей и стеной образовалась щель, сквозь которую завиднелось звездное небо.

– Полезай! – прокряхтел Задов.

– Слушай, Левка, я вернусь! Я тебя выручу!

– Полезай! – хрипел бомбист. – В Москву пробирайся! Правду нашим донеси! Правду!

– Стой! – Дедок достал откуда-то из-под подкладки пачку бумажных денег, сунул Нестору в карман. – Москва, вишь ты, слезам не верит, а денежки береть...

– Откуда они у тебя, дед?

– Я ж сказал: я и тещу в рукаве пронесу, не то что деньги...

Левка только тяжело дышал, когда Нестор карабкался по нему, как по дереву, и малопомалу ввинчивался в щель. Спустя несколько мгновений он мягко спрыгнул на землю.

Левка опустил край крыши на место, сел в угол, вытирая рубахой лицо.

– Я тебя вытащу, Левка! – донесся снаружи громкий шепот Махно.

– Уходи!.. – Задов переводил дух. – Чуть жилу не надорвал. Как батя покойный...

– Животом дыши, животом, – посоветовал дедок.

Задов пыхтел.

– Доберется ли? – спросил он у старика.

– Энтот?.. Энтот куда хочешь доберется. Только пока он доберется, да пока что к чему, нас просто стрельнут. Очень даже возможно.

– Не хочется, – пробасил Задов.

– Ясное дело... А ты по кочкам ходи, по кочкам, не ступай прямо. Да и невыгодно им тебя расстреливать. В тебе почитай бочка крови, ты им все подвалы позатопишь.

– А ты как же?

– Я – в песню, сказал же. Как услышишь, что про деда Сову, так это аккурат про меня песня будет...

Глава одиннадцатая

На Царицынском базаре, хоронясь и ускользя от красноармейских патрулей, Махно высматривал, кто чего продает.

В скобяном ряду, переходя с одного места на другое, он долго наблюдал за торговцем, перед которым на дощатом лотке были разложены старые и новые замки, гвозди, рашпили, скобы, всякая хозяйственная мелочь.

Торговец был лохмат, с костылем. Глаза глядели дико и настороженно. Мужичок на полторы ноги, а не простой.

Махно долго перебирал на его лотке железки. Затем наклонился к хозяину этого богатства:

– Слышь, браток, мне бы замок под десять ключей да пару пасхальных яиц с громким звоном...

Торговец посмотрел по сторонам, нет ли кого поблизости.

– Добра этого хватает, да цена кусает, – тихо сказал он. – Такая вот недоразумения. Какие будут мнения?

– Сговоримся.

– Приходи в грузовой порт, да не ищи сортир, а ищи буксир. «Прыткий» называется, на берегу валяется. Там у меня куры поют да яйца несут... Только приходи попозднее, как стемнеет.

– А может, раньше можно? Может, сейчас сходим?

– Сейчас-то сейчас, да вокруг много глаз. А ночью, где Волга-река, совсем не ходит ЧеКа. – И торговец перешел на прозу: – Сам видишь, что делается, браток. Скоро стенок в Царицыне не хватит... народу много развелось, укорачивают Россию... Ты не из тех, которые вчера на станции?..

– Нет, я из тех, которых...

– А-а... Ну, приходи, чайку попьем, да решим, как остаться живым!

Днем Махно, стоя в тени акации, наблюдал за особняком ЧК. Туда подъехал грузовик с охранниками у бортов и людьми, сидящими посередине. Кого-то со связанными руками поволокли в подъезд. Машина отъехала, заполнив улицу сизым дымом.

Нестор внимательно осматривал сад за забором. Как бы примеривался. Рассчитывал. Но услышал вдали топот идущего в ногу небольшого отряда. Потом из-за лабазов появился и сам отряд. Впереди, оборачиваясь, суетился военный с длинной шашкой, которую он то и дело придерживал рукой. Судя по всему, это был кадровый вояка. Фабричная звездочка на его фуражке сверкала на солнце красной эмалью.

– Четче! Четче! – кричал он. – Ставь ногу на ступню!.. Носок тяни!.. Левою, левою!.. Ать, ать!..

В переднем ряду на правом фланге, как самого рослого, Махно заметил Левку Задова. Рядом с ним вышагивали еще несколько уцелевших бомбистов из его отряда. Их переодели, они были в выцветших шароварах, в солдатских рубахах, на фуражках самого разного покрова поблескивали кое-как вырезанные из консервных банок жестяные звездочки.

– Больше задору!.. Задору!..

Задов тяжело бухал разбитыми ботинками по брусчатке. Он был слишком громоздкий для строевых упражнений.

Левка тоже заметил Нестора, хоронящегося за деревом. Но расстояние не позволяло ему понять, увидел ли его Нестор. Ни крикнуть ему, ни рукой махнуть Левка не мог.

И тут его осенило.

– Ну а молчим чего? – обернулся он к отряду. – Як на тещиних похоронах!..

– Во! Молодца! – обрадовался ротный. – Давай! С песней!

– Подхватывай, если кто знает! – И, глядя в ту сторону, где прятался Нестор, Левка громко запел: – «А мы по кочечкам, да по кочечкам, сквозь болото да в лесок»... – И смолк. – Тьфу, зараза, слова забыл!

– Здоровый, а дурак! И слух, как у овцы! – бросил командир.

Но Нестор понял: Левка прислушался к «первому анархисту Заволжья» и действовал так, как тот им посоветовал: прямиком не идти, а по кочечкам. И когда Левка еще раз обернулся, он махнул ему рукой...

А вечером Махно пошел в гавань. Буксир отыскал сразу, на нем полоскалось белье. Нос парходика «сушился» на земле, а корма плескалась в воде затона.

Нестор присел на берегу на какой-то ржавый бочонок, стал ждать. Из иллюминатора несколько раз выглядывало и тут же скрывалось чье-то лицо. Потом на палубе появился одноногий торговец:

– Поднимайся!

Внутри на буксире было сумеречно. Масляно блестели детали машины. Одноногий выложил на стол свой товар: тяжелый австрийский пистолет «Рот-Штайер» и несколько гранат.

– Лишнего не беру. За шпалер две «катьки». «Замочек» – десятизарядка, как просил. И «яички пасхальные»: гранаты... К пистолету патронов только две дюжины, редкие, заразы. «Восьмерка». У пленных выменял...

– Обстоятельства, брат, малость переменились, – сказал Нестор. – Так повернулось, что твой товар мне пока без надобности. А вот в помощи твоей крепко нуждаюсь.

– В чем нужда?

– Надо мне отсюда смываться. Хотя бы в Казань переправиться, что ли...

– Во как! Не хочу картошку, а хочу горошку... А на чем переправиться-то?

– Да хоть на твоём «Прытком».

– Был «Прыткий», а стал корыткой... Но я тебя пристрою. Ты только толком скажи, куда тебе надо.

– В Москву.

– В Москву?... И зачем? Люди бегут оттуда. Голод начался!

– Мои заботы.

– Оно верно. Но ты не до Казани плыви, а до Саратова. Выше, в Самару, не надо, там какие-то чехи бунтуют. Чего хотят, неясно. Но к стенке будут ставить, как все. Это уж порядок теперь стал такой... А от Саратова – поездом. Коли, конечно, сядешь.

– Уцеплюсь, – улынулся Нестор.

– Бывший «Царицынский купец» баржу наверх потянет. На нем пойдешь. Не бесплатно, конечно. Покажи руки.

Нестор показал руки. Одноногий ошупал их:

– Ничего. Рабочая рука. Уголек или там дрова в топку покидаешь... – Неожиданно он закатал рукав рубахи Нестора повыше, обнажил красный шрам. – Ишь ты, браслет какой! – И успокоил: – Не бойсь! На Волге все свои, река вольная... Эх, скоро за матушку-Волгу война будет, уж очень нужная река, через всю Россию... Так, значит, в Москву? За песнями?

– За песнями.

Сиплые и надсадные гудки и шум колесных плиц трудяги «Царицынского купца» будили дремотную волжскую тишину. Нестор кидал в топку уголек. Он был весь в саже.

Вниз заглянул механик:

– Ну, паря, теперь тебя родная мать не признает.

В запыленный иллюминатор Нестор видел только пароходные плиты и убегающие назад пенные буруны...

Вечерело. Гортанно покрикивали чайки. Солнце окрашивало воду в розовый цвет. Махно ощущал, как ноет тело. Вскоре его заменили, накормили.

...И снова был день. Нестор стоял в рубке буксира. Только сверкали белки глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.